

56.2(6) > 95
С 22

«Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества... Нужно новое мышление человечества!»

Андрей Сахаров

Андрей САХАРОВ

МИР,
ПРОГРЕСС,
ПРАВА
ЧЕЛОВЕКА

Советский
писатель
Ленинградское
отделение
1990

Андрей САХАРОВ

МИР,
ПРОГРЕСС,
ПРАВА
ЧЕЛОВЕКА

СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Дата получения	Войт №	Подпись ответствен.	Книга возвращена	Кн.

Советский
писатель
Ленинградское
отделение
1990

ББК 84.Р7 66.2(6) + 67.91 > 25
С 22

кн 4 стр 169

Редакторы И. С. Кузьмичев, Е. В. Леонова

© Художник Виктор Коломейцев

- 38299 -

Сахаров А.

С 22 Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления.— Л.: Сов. писатель, 1990.— 128 с. ISBN 5-265-01645-7

Имя Андрея Дмитриевича Сахарова — академика, лауреата Нобелевской премии Мира, народного депутата СССР — широко известно. Сборник его общественно-политических работ и публицистических выступлений выходит в нашей стране впервые.

Через неделю после того, как этот сборник был подписан в набор, Андрей Дмитриевич Сахаров скончался.

С 4702010201—038
083(02)—90 Без объявл.

ББК 84.Р7

ISBN 5-265-01645-7

© А. Д. Сахаров, 1990 г.

О СЕБЕ

В сборнике ¹ собрано большинство моих выступлений на социальные, правовые и политические темы за последние три года. Некоторые из них нуждаются в пояснениях, особенно для зарубежного читателя. Вероятно, лучшим способом избежать возможных недоразумений был бы максимально подробный и откровенный рассказ о внутренних и внешних обстоятельствах, сформировавших мою позицию и мироощущение. Но сейчас я не чувствую себя в силах осуществить это в полной мере, ограничусь необходимым минимумом. Сообщая автобиографические сведения, я надеюсь также на прекращение кривотолков в отношении фактов, которые часто представлялись в печати неверно из-за незнания или стремления к сенсациям.

Я родился в 1921 году в Москве, в интеллигентной и дружной семье. Мой отец — преподаватель физики, автор ряда широко известных учебных и научно-популярных книг. С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому овладению избранной профессией. В 1938 году я окончил среднюю школу, поступил в Московский государственный университет и окончил его в 1942 году. В 1942—1945 годах работал инженером на военном заводе, автор нескольких изобретений в области методов контроля продукции.

В 1945—1947 годах я был в аспирантуре под руководством известного советского ученого, физика-теоретика Игоря Евгеньевича Тамма. Через несколько месяцев после защиты диссертации, весной 1948 года, я был включен в исследовательскую группу, занимавшуюся проблемой термоядерного оружия. Я не сомневался в жизненной важности создания советского сверхоружия для нашей страны и для равновесия сил во всем мире. Увлеченный грандиозностью задачи, я работал с максимальным напряжением сил, стал автором или соавтором некоторых ключевых идей. В западной печати

¹ Предисловие к сборнику «Sakharov speaks», А. Кноpf, 1974.

меня часто называют «отцом водородной бомбы». Эта характеристика очень неточно отражает сложную реальную ситуацию коллективного авторства, о которой я не буду говорить подробно.

Почти одновременно с началом работ по термоядерному оружию, с лета 1950 года, я вместе с И. Е. Таммом начал работу по проблеме управляемой термоядерной реакции, то есть по использованию ядерной энергии легких элементов для целей промышленной энергетики. В 1950 году нами была сформулирована идея магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы и проведены оценки параметров установок термоядерного синтеза. Эти работы, о которых стало известно за рубежом из доклада И. В. Курчатова в Харуэлле в 1956 году, из материалов Первой Женевской конференции по мирному использованию ядерной энергии, признаются пионерскими. В 1961 году я предложил для тех же целей нагрев дейтерия лучом импульсного лазера. Я упомянул тут об этом, чтобы разъяснить, что мой вклад не ограничивался только военными проблемами.

В 1950 году наша исследовательская группа вошла в состав специального института. В течение последующих восемнадцати лет я находился в круговороте особого мира военных конструкторов и изобретателей, специальных институтов, комитетов и ученых советов, опытных заводов и полигонов. Ежедневно я видел, как огромные материальные, интеллектуальные и нервные силы тысяч людей вливаются в создание средств тотального разрушения, потенциально способного уничтожить всю человеческую цивилизацию. Я наблюдал, что рычаги управления находятся в руках циничных, хотя по своему и талантливых людей. До лета 1953 года верховным шефом атомного проекта был Берия, во власти которого находились миллионы рабов-заклученных, почти все строительство осуществлялось их руками. С конца пятидесятых годов все более отчетливым образом вырисовывалось коллективное могущество военно-промышленного комплекса, его энергичных, беспринципных руководителей, слепых ко всему, кроме своего «дела». Я был в несколько особом положении. В качестве теоретика-изобретателя, сравнительно молодого и к тому же беспартийного, я находился в стороне от административной ответственности, был свободен от партийной идеологической дисциплины. Мое положение

давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему несколько со стороны. Все это толкало меня, особенно в идейной атмосфере, возникшей после смерти Сталина и XX съезда КПСС, на общие размышления о проблемах мира и человечества, в особенности о проблемах термоядерной войны и ее последствий.

Начиная с 1957 года (не без влияния высказываний по этому поводу во всем мире таких людей, как А. Швейцер, Л. Полинг и некоторых других) я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях. Как известно, поглощение радиоактивных продуктов ядерных взрывов миллиардами населяющих Землю людей приводит к увеличению частоты ряда заболеваний и врожденных уродств (за счет так называемых непороговых биологических эффектов, например за счет поражения молекул ДНК — носителей наследственности). При попадании радиоактивных продуктов взрыва в атмосферу каждая мегатонна мощности ядерного взрыва влечет за собой тысячи безвестных жертв. А ведь каждая серия испытаний ядерного оружия (все равно — США, СССР, Великобритании или Китая и Франции) — это десятки мегатонн, то есть десятки тысяч жертв.

Я встретился с большими трудностями при попытках разъяснить эту проблему, с нежеланием понимать. Я писал докладные записки (одна из них вызвала поездку И. В. Курчатова для встречи с Н. С. Хрущевым в Ялте — с безуспешной попыткой отменить испытания 1958 года), выступал на совещаниях. Я вспоминаю лето 1961 года, встречу ученых-атомщиков с Председателем Совета Министров Хрущевым. Выясняется, что нужно готовиться к серии испытаний, которая должна поддерживать новую политику СССР в германском вопросе (Берлинскую стену). Я пишу записку Н. С. Хрущеву: «Возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому туру гонки вооружений, в особенности в области межконтинентальных ракет и противоракетной обороны» — и передаю ее по рядам. Хрущев кладет записку в нагрудный карман и приглашает присутствовавших отобедать. За накрытым столом он произносит импровизированную речь, памятную мне по своей откровенности, отражающей не

только его личную позицию. Он говорит приблизительно следующее. Сахаров хороший ученый, но предоставьте нам — специалистам этого хитрого дела — делать внешнюю политику. Только сила, только дезориентация врага. Мы не можем сказать вслух, что мы ведем политику с позиции силы, но это должно быть так. Я был бы слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров. Своей политикой в 1960 году мы способствовали избранию Кеннеди. Но на черта нам Кеннеди, если он связан по рукам и ногам, если его в любой момент могут свалить.

Другой, не менее драматичный эпизод разыгрался в 1962 году. Министерство, исходя в основном из бюрократических интересов, дало указание провести очередной испытательный взрыв, фактически бесполезный с технической точки зрения. Взрыв должен был быть мощным, так что число ожидаемых жертв было колоссально. Понимая необоснованный, преступный характер этого плана, я предпринял отчаянные усилия его остановить. Это длилось несколько очень напряженных для меня недель. Накануне испытания я позвонил министру и угрожал отставкой. Министр ответил: «Мы вас за горло не держим». Я сумел дозвониться в Ашхабад, где Хрущев в тот день находился, и умолял его вмешаться. На другой день я имел объяснение с одним из приближенных Хрущева, но в это время срок испытания был перенесен на более ранний час и самолет-носитель уже нес свою ношу к намеченной точке взрыва. Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию.

В 1962 году я посетил министра атомной промышленности, находившегося в тот момент на лечении в загородном правительственном санатории вместе с заместителем министра иностранных дел, и изложил важную идею, на которую в то время мое внимание обратил один из моих друзей. В этот период уже несколько лет велись переговоры о запрещении ядерных испытаний, упиравшиеся в трудность контроля за подземными взрывами. Но радиоактивное заражение возникает лишь при взрывах в атмосфере, в космосе и в океане. Поэтому ограничение соглашения о запрещении испытаний этими тремя средами решает обе проблемы (заражения и контроля). Необходимо упомянуть, что с подобным предложением ранее выступал президент Эйзен-

хауэр, но тогда оно не встретило понимания с советской стороны. В 1963 году по инициативе Хрущева и Кеннеди был заключен так называемый Московский договор, в котором эта идея была реализована. Возможно, моя инициатива способствовала этому историческому акту.

В 1964 году я выступил на собрании Академии наук СССР (в связи с выборами одного из соратников Лысенко) и публично коснулся «запретной» темы о положении в советской биологии, где десятилетиями преследовалась как «лженаука» современная генетика, а ученые, работавшие в этой области, подвергались жестоким гонениям и репрессиям. Затем я подробно развил эти мысли в письме на имя Н. С. Хрущева. Оба выступления имели очень широкий отклик, впоследствии в какой-то мере способствовали исправлению положения. Тогда впервые мое имя появилось в советской прессе в статье президента Академии сельскохозяйственных наук, содержавшей самые беспардонные нападки на меня.

Для меня лично эти события имели большое психологическое значение, а также расширили круг лиц, с которыми я общался. В частности, я познакомился с братьями Жоресом и Роем Медведевыми. Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева была первым произведением «самиздата» (появившееся за несколько лет перед этим слово для обозначения нового общественного явления), которое я прочел. Я прочел также в 1967 году рукопись книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно последняя, произвели на меня очень большое впечатление. Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в своем развитии.

В 1966 году я принял участие в коллективном письме XXIII съезду КПСС о культе Сталина. В том же году я послал телеграмму Верховному Совету РСФСР о намечавшемся тогда новом законе, который открывал возможности широких преследований за убеждения (статья 190-1 УК РСФСР). Так впервые моя судьба переплелась с судьбой той малочисленной, но очень весомой в нравственном и, смею сказать, в историческом плане группы людей, впоследствии получивших название «инакомыслящие». (Лично мне больше по душе старое русское слово «вольномыслящие».) Очень скоро мне

пришлось выступить в письме на имя Брежнева против ареста четырех из них: А. Гинзбурга, Ю. Галанскова (трагически погибшего в лагере в 1972 году), В. Лашковой и Добровольского. В связи с этим письмом и предыдущими действиями министр ведомства, которому я был подчинен, сказал обо мне, что Сахаров крупный ученый и мы его хорошо наградили, но он «шалавый политик».

В 1967 году я написал для одного распространявшегося в служебном порядке сборника футурологическую статью о будущей роли науки в жизни общества и о будущем самой науки. В том же году мы вдвоем с журналистом Э. Генри написали для «Литературной газеты» статью о роли интеллигенции и опасности термоядерной войны. ЦК КПСС не дало разрешения на публикацию этой статьи, однако неведомым мне способом она попала в «Политический дневник» — таинственное издание, как предполагают, нечто вроде «самиздата» для высших чиновников. Обе эти оставшиеся малоизвестными статьи легли через год в основу работы, которой суждено было сыграть центральную роль в моей общественной деятельности.

В начале 1968 года я начал работу над книгой, которую назвал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством, — о войне и мире, о диктатуре, о запретной теме сталинского террора и свободе мысли, о демографических проблемах и загрязнении среды обитания, о той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. На общем настроении работы сказалось время ее написания — разгар «Пражской весны». Основные мысли, которые я пытался развить в «Размышлениях», не являются очень новыми и оригинальными. В основном это компиляция либеральных, гуманистических и «наукokratических» идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное («сырое») по форме. Тем не менее основные мысли его мне дороги. В работе четко сформулирован представляющийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем, сопровождающемся демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом, как единственной альтернативе гибели человечества. Начиная с мая —

июня 1968 года «Размышления» широко распространялись в СССР. Это моя первая работа, ставшая достоянием «самиздата». К июлю и августу относятся первые зарубежные сообщения о моем выступлении; в дальнейшем «Размышления» многократно публиковались за рубежом большими тиражами, вызвали огромный поток откликов в прессе множества стран. Наряду с содержанием работы несомненно сыграло важную роль то, что это было одно из первых прорвавшихся на Запад произведений общественно-политического характера, к тому же автором был отмеченный высшими знаками отличия представитель «таинственной» и «грозной» специальности физика-атомщика (эта сенсационность, к сожалению, и сейчас еще окружает меня, особенно на страницах массовой западной печати).

Опубликование за рубежом «Размышлений» мгновенно повлекло мое отстранение от секретных работ (в августе 1968 года) и перестройку всей моей жизни на новый лад. Как раз в это время я под влиянием импульсов, представляющих мне сейчас несостоятельными, передал в фонд государства (на строительство онкологической больницы и в Красный Крест) почти все свои сбережения. Я не имел в то время личных контактов с нуждающимися в помощи людьми. Сейчас, постоянно видя вокруг себя людей, нуждающихся не только в защите, но и в материальной помощи, я часто сожалею о своем слишком поспешном поступке. С 1969 года я был направлен на работу в Физический институт Академии наук СССР, где я когда-то был аспирантом, а затем сотрудником Игоря Евгеньевича Тамма. Хотя это означало существенное понижение в служебном и материальном положении, но сохраняло за мной возможность продолжать научную работу в наиболее интересной для меня области физики — теории элементарных частиц. К сожалению, в последние годы я не удовлетворен продуктивностью своей научной работы. Так же, как и немалый для физика-теоретика возраст, определенную роль в этом играет напряженное, а в последнее время крайне тревожное положение, в котором оказались близкие мне люди, моя семья и я сам.

Между тем общественные события и внутренняя потребность противостоять несправедливости продолжали толкать меня на новые действия. В начале 1970 года мы совместно с физиком и математиком Валентином Турчиным и Роем Медведевым опубликовали новое от-

крытое письмо руководителям государства. Тема письма — взаимосвязь проблем демократизации и технико-экономического прогресса. В июне я принял активное участие в кампании за освобождение другого из братьев Медведевых — биолога Жореса: протестовал против незаконного помещения его в психиатрическую больницу. В те же дни я принял участие в коллективной надзорной жалобе в Прокуратуру СССР по делу генерала П. Г. Григоренко, который по определению Ташкентского суда был направлен для принудительного лечения в специальную тюремную больницу МВД СССР в город Черняховск. Причиной этого являлись неоднократные открытые выступления Григоренко в защиту политзаключенных и в защиту прав крымских татар, которые в 1944 году были по сталинскому произволу с огромными жестокостями выселены из Крыма, а ныне не могут вернуться на родину. На наше обращение, указывающее на многочисленные явные нарушения закона в деле Григоренко, не последовало никакого ответа (что тоже представляет собой грубое нарушение закона). Так я еще более вплотную, чем в 1968 году, соприкоснулся с одной из самых, быть может, позорных сторон современной советской действительности — с незаконным и циничным преследованием лиц, выступающих в защиту основных прав человека. Но одновременно я узнал некоторых (и в последующее время — многих других) из этих людей. Одним из участников коллективной жалобы по делу Григоренко был Валерий Чалидзе, с которым я тесно сошелся.

Дальнейшее мое сближение с проблемами защиты прав человека произошло в октябре 1970 года, когда я был допущен присутствовать на политическом процессе. Математик Револют Пименов и артист театра кукол Борис Вайль обвинялись в распространении «самиздата» — давали читать друзьям книги и рукописи. В данном случае упоминалась статья Джиласа, чешский манифест «2000 слов», личные комментарии Пименова к речи Хрущева на XX съезде и т. д. Я сидел в зале, заполненном «стажерами» КГБ, а друзья подсудимых в течение всего процесса находились в коридоре первого этажа. Это еще одна черта всех без исключения политических процессов. Формально они открыты для публики, но зал заранее заполняется специально для этого привезенными сотрудниками КГБ, и еще другая группа сотрудников окружает суд со всех сторон, они всегда в

штатском, называют себя дружинниками и якобы охраняют общественный порядок. Так было (с незначительными вариациями) на всех судах, на которые я допускался в зал заседания. Допуски же эти были, по-видимому, некоторой данью моим прежним заслугам. Пименова и Вайля осудили на пять лет ссылки каждого, несмотря на то, что адвокат Вайля на кассационном суде привел веские доводы о его полной непричастности к инкриминируемым ему эпизодам. В последнем слове Борис Вайль сказал, что несправедливый приговор сказывается не только на судьбе осужденного, но и на сердце судей.

Начиная с осени 1971 года я уже оказался вне линии дружинников. Но больше ничего не менялось. На суде над известным астрофизиком Кронидом Любарским (который обвинялся все в том же — в распространении «самиздата») разыгрался очень показательный и трагический спектакль. Нас не пустили в зал, а когда заседание началось, «неизвестные в штатском» с применением силы вытолкнули из вестибюля суда на улицу. После этого на входную дверь народного суда был повешен большой амбарный замок. Надо видеть своими глазами весь этот бессмысленный и жестокий театр, чтобы прочувствовать его до конца! Но зачем все это? Я не могу дать другого ответа кроме того, что фарс, разыгрывающийся внутри суда, в еще меньшей мере предназначен для гласности, чем фарс у стен суда. Казенно-бюрократическая логика судопроизводства неизбежно выглядит гротескной в свете гласности, даже при формальном соблюдении закона, что тоже бывает далеко не всегда.

Приговор Пименову и Вайлю, такой жестокий и несправедливый с точки зрения человеческих норм, является относительно мягким в сравнении с решениями советских судов в других подобных случаях, в особенности в последующие годы. Владимир Буковский, известный всему миру своими выступлениями в защиту заключенных по политическим мотивам в психиатрические больницы, осужден на 12 лет — 2 года тюрьмы, 5 лет лагеря и 5 лет ссылки. К. Любарский осужден на 5 лет заключения. Еще суровей приговоры за пределами Москвы. Молодой психиатр С. Глузман осужден на 7 лет заключения. Я однажды случайно видел Семена несколько минут на вокзале и был поражен чистотой его облика, какой-то действенной добротой и прямоотой. Тогда я еще

не мог подозревать, что ему предстоит такая судьба! Говорили, причиной расправы над Глуzmanом было предположение, что он автор «Заочной экспертизы по делу Григоренко». Но на суде это обвинение не фигурировало. Авторы мемуаров о своем пребывании в лагере В. Мороз и Ю. Шухевич осуждены украинским судом один на 14, другой на 15 лет заключения и ссылки. Резко возросло и число подобных расправ.

Прежде чем двигаться дальше, я хочу сказать несколько слов, почему мне представляется таким важным делом защита политзаключенных, защита свободы убеждений. Наша страна за 56 лет прошла путь тяжелых потрясений, страданий и унижений, физического уничтожения миллионов лучших в нравственном и интеллектуальном отношении людей, — десятилетия казенного лицемерия и демагогии, внутреннего и внешнего приспособленчества. Эпоха террора, когда пытки и особые совещания грозили каждому, когда хватили самых верных слуг режима просто для общего счета и для создания атмосферы страха и подчинения, — сейчас позади. Но мы все еще живем в созданной этой эпохой духовной атмосфере. К тем немногим, кто не подчиняется господствующему соглашательству, государство по-прежнему применяет репрессии. Наряду с судебными репрессиями самую важную и решающую роль в сохранении этой атмосферы внутреннего и внешнего подчинения играет власть государства, сосредоточившего в своих руках все экономические и социальные рычаги. Это больше всего держит в невидимой зависимости тело и дух большинства людей.

Для психологической обстановки в стране также очень существенно, что люди устали от бесконечных обещаний экономического процветания в самом ближайшем будущем, разуверились в громких словах вообще. Уровень жизни (питание, жилье, одежда, возможности отдыха), социальные условия (детские учреждения, медицинские и учебные заведения, пенсии, охрана труда и т. д.) — все это крайне отстает от уровня в развитых странах. В широких слоях населения развивается равнодушие к общественным вопросам, потребительская и эгоистическая позиция. Протест же против мертвящей официальной идеологии у большинства носит неосознанный, подспудный характер.

Наиболее широкими и осознанными являются религиозные и национальные движения. Среди тех, кто за-

полняет лагеря и подвергается другим преследованиям, много верующих и представителей национальных меньшинств. Одной из массовых форм протеста является желание покинуть страну. К сожалению, надо отметить, что иногда стремление к национальному возрождению приобретает шовинистические черты. При этом оно смыкается с традиционной «бытовой» неприязнью к «инородцам». Русский антисемитизм — один из примеров этого. Для части русской оппозиционной интеллигенции таким образом намечается парадоксальная близость с негласной партийно-государственной доктриной национализма, которая фактически все больше сменяет антинациональный и антирелигиозный миф большевизма. У некоторых то же чувство неудовлетворенности и внутреннего протеста принимает другие асоциальные формы (пьянство, уголовщина).

Очень важно, чтобы фасад показного благополучия и энтузиазма не закрывал от мира этой истинной картины, — наш опыт не должен пропасть даром. Столь же важно, чтобы наше общество постепенно выходило из тупика бездуховности, при котором закрывается возможность не только развития духовной культуры, но и прогресса в области материальной сферы.

Я убежден, что в условиях нашей страны нравственная и правовая позиция является самой правильной, соответствующей потребностям и возможностям общества. Нужна планомерная защита человеческих прав и идеалов, а не политическая борьба, неизбежно толкающая на насилие, сектантство и бесовщину.

Убежден, что только при условии возможно широкой гласности Запад сможет увидеть сущность нашего общества, и тогда эта деятельность становится частью общемирового движения за спасение всего человечества. В этом ответ на вопрос, почему я от общемировых проблем естественно обратился к защите конкретных людей.

Позицию тех, кто, начиная с процессов Синявского и Даниэля, Бродского, Гинзбурга и Галанскова, боролся за справедливость так, как они ее понимают, вероятно, можно сопоставить с позицией всемирно известной, стоящей вне политики организации — «Эмнисти Интернешнл». В любой демократической стране не могло бы даже возникнуть вопроса о законности подобной деятельности. У нас, к сожалению, это не так; десятки самых известных политических процессов, десятки узни-

ков психиатрических тюремных больниц — наглядное тому свидетельство.

За последние годы я многое узнал о советской юридической практике — присутствуя на судах, получая множество сведений о ходе подобных дел в других городах. Очень многое я узнал также о режиме в местах заключения, о недоедании, безжалостном формализме и репрессиях против заключенных. В ряде выступлений я обращаю внимание мирового общественного мнения на эту проблему, которая является жизненно важной для одного миллиона семисот тысяч советских заключенных и косвенно оказывает глубокое влияние на многие важные стороны нравственной и социальной жизни всей страны. Я обращался и обращаюсь вновь ко всем международным организациям, к которым эта проблема имеет отношение, в особенности к Международному Красному Кресту, с просьбой отказаться от политики невмешательства во внутренние дела социалистических стран в вопросах защиты прав человека и проявить при этом максимальную настойчивость. Я выступал также против института «условного освобождения с обязательным привлечением к труду», который в политическом отношении представляет собой пережиток сталинской системы массового принудительного труда и является очень страшным в социальном отношении. Трудно даже представить себе весь кошмар барачников «условно освобожденных», с почти повальным пьянством, мордобоем и поножовщиной. Эта система сломала жизнь многим людям. Сохранение системы лагерей и принудительного труда является одной из причин, почему обширные районы страны закрыты для иностранцев. По-видимому, осуществление сколько-нибудь успешного международного сотрудничества в деле освоения наших богатейших ресурсов невозможно без ликвидации этой системы.

Другая проблема, которая привлекала на протяжении всех последних лет мое внимание, — это психиатрические репрессии, используемые органами КГБ как важное дополнительное средство подавления и устрашения инакомыслящих. Несомненна огромная социальная опасность этого явления.

Собранные в сборнике ¹ документы отражают мое

¹ Напомним: речь идет о сборнике, изданном за границей в 1974 году. — *Ред.*

стремление привлечь внимание к этому кругу проблем.

Я чувствую себя в неоплатном долгу перед смелыми и нравственными людьми, которые являются узниками тюрем, лагерей и психиатрических больниц за свою борьбу в защиту прав человека.

Осенью 1970 года я совместно с В. Н. Чалидзе и А. Н. Твердохлебовым принял участие в основании Комитета прав человека. Этот наш акт привлек большое внимание в стране и за рубежом. Со дня основания в работе комитета принимал активное участие А. С. Вольпин. Впервые в нашей стране появилась подобная ассоциация, и ее участники не очень точно представляли, что и как им надо делать. Однако комитетом была проделана большая работа, в частности в изучении вопроса о принудительных психиатрических госпитализациях по политическим мотивам. В настоящее время в работе комитета участвуют И. Р. Шафаревич¹, Г. С. Подъяпольский и я. Само существование комитета как независимой от властей свободной ассоциации, так же как и существование несколько ранее созданной «Инициативной группы», для нашей страны имеет уникальное нравственное значение.

Сборник открывается Памятной запиской, которая была написана в первые месяцы 1971 года и в марте 1971 года направлена на имя Л. И. Брежнева. Памятная записка представляет собой по форме нечто вроде конспекта воображаемого диалога с руководством страны. Я не уверен, что эта форма литературно удачна, но зато компактна. По содержанию же я стремился к отражению своих позитивных требований в политической, социальной и экономической областях. Через пятнадцать месяцев, не получив никакого ответа, я опубликовал Памятную записку, дополнив ее Послесловием, которое представляет собой самостоятельное произведение. Я обращаю особое внимание читателя на него.

Публикуя Памятную записку, я не вносил исправлений в ее текст. В частности, я не изменил и трактовки проблемы советско-китайских отношений, о чем сожалею. Я не идеализирую и сейчас китайский вариант социализма. Но я не считаю правильной ту оценку угрозы китайской агрессии в отношении СССР, которая содержится в Памятной записке, во всяком случае китайская

¹ Взгляды которого сильно отличаются от моих (Примечание 1989 года).

угроза не может служить оправданием милитаризации нашей страны и отсутствию в ней демократических преобразований.

Я уже говорил о тех документах сборника, которые связаны с защитой прав отдельных людей. Я узнавал в эти годы все большее число трагических и героических судеб, некоторые из них нашли свое отражение на страницах сборника. Документы этого цикла в основном не требуют комментария.

В апреле 1972 года я составил текст обращения к Верховному Совету СССР об амнистии политзаключенных и об отмене смертной казни. Эти документы были приурочены к пятидесятилетию СССР. Я уже писал, почему я придаю такое первостепенное значение первому из этих вопросов. Остановлюсь на втором. Отмена смертной казни — исключительно важный в нравственном и социальном отношении акт для любой страны. В нашей же стране с ее очень низким уровнем правосознания при широко распространенной озлобленности этот акт был бы особенно важен. Под обращениями удалось собрать около пятидесяти подписей. Каждая из них — это очень весомый нравственно-общественный акт подписавшего. Собирая подписи, я почувствовал это с особой силой. Гораздо больше людей отказалось, объяснения некоторых из них многое прояснили мне во внутренних причинах мыслей и действий нашей интеллигенции.

В сентябре 1971 года я обратился к членам Президиума Верховного Совета СССР с письмом о свободе эмиграции и беспрепятственном возвращении. Другое же выступление по этому вопросу — письмо Конгрессу США в сентябре 1973 года. В этих документах я обращаю внимание на различные стороны этой проблемы, в том числе на ту важную роль, которую ее положительное решение будет иметь для демократизации и повышения жизненных стандартов в нашей стране до уровня развитых стран. Пример Польши и Венгрии, где сейчас свободе выезда и возвращения не чинятся такие тяжкие препятствия, как у нас, может служить доказательством правоты этой мысли.

Летом 1973 года я дал интервью по вопросам общего характера, предложенным мне корреспондентом шведского радио Улле Стенхольмом. Интервью это вызвало широкий резонанс в СССР и за рубежом. Я получил несколько десятков писем, содержащих возмущение

моей «клеветнической» позицией (следует иметь в виду, что письма противоположного характера обычно не доходят до меня). Советская «Литературная газета» опубликовала статью обо мне под названием «Поставщик клеветы». Корреспондент Улле Стенхольм, взявший у меня интервью и без искажений опубликовавший его текст, недавно лишен въездной визы и возможности продолжать свою работу в СССР, что является возмущительным нарушением прав честного и умного журналиста, ставшего другом нашей семьи. Не исключено, что последнее обстоятельство сыграло свою роль в učinенном с ним беззаконии. Интервью было устным, ни вопросы, ни ответы заранее не обсуждались. Это следует учитывать при оценке данного документа, представляющего собой непринужденный домашний разговор по весьма серьезным принципиальным вопросам. В этом интервью, как и в Памятной записке и в Послесловии, я вышел за пределы темы прав человека и демократических свобод и коснулся экономических и социальных проблем, которые, вообще говоря, требуют специальной, а может быть, и профессиональной подготовки. Но эти проблемы так животрепещущи для каждого человека, что я не раскаиваюсь в том, что они явились предметом обсуждения. Особое раздражение моих оппонентов вызвала характеристика строя нашей страны как государственного капитализма с партийно-государственной монополией и вытекающих из такого строя последствий во всех областях жизни общества.

Важные принципиальные проблемы разрядки международной напряженности в их связи с условием демократизации и открытости советского общества отражены в интервью августа — сентября 1973 года.

Мои выступления в последние годы проходили в условиях все возрастающего давления на меня и особенно на мою семью. В сентябре 1972 года был арестован наш близкий друг Юрий Шиханович. В октябре 1972 года с последнего курса университета исключена по формальному и надуманному предлогу при полной успеваемости дочь моей жены Татьяна, все попытки добиться ее восстановления были безуспешны. Весь год нас преследуют анонимными телефонными звонками с угрозами и нелепыми обвинениями. В феврале 1973 года в «Литературной газете» помещена статья ее главного редактора Чаковского, посвященная книге Гаррисона Солсберри. В этой статье я охарактеризован как крайне

наивный человек, цитирующий Евангелие, «кокетливо размахивающий оливковой веткой», «юродствующий» и «охотно принимающий комплименты Пентагона» (все это в связи с моими «Размышлениями», которые впервые за пять лет таким образом упоминались на страницах советской печати). В марте я впервые вызван на беседу в КГБ (формально — под предлогом совместного с моей женой поручительства за нашего друга Юрия Шихановича). В июне в связи с подачей заявления поехать учиться по приглашению в США лишается работы муж Татьяны. В июле появляется уже упомянутая статья «Поставщик клеветы». В июле же сын жены Алексей, видимо по специальному указанию свыше, не допускается к поступлению в университет. В августе меня вызывает заместитель прокурора СССР Маляров. Основное содержание беседы — угрозы. Сразу же вслед за моим интервью от 21 августа о проблемах разрядки в советских газетах публикуются перепечатки из зарубежных коммунистических газет и письмо сорока академиков, объявивших меня противником смягчения международной напряженности. Затем — газетная кампания по всей стране с осуждением меня представителями всех слоев нашего общества. В конце сентября — визит в нашу, со всех сторон просматриваемую КГБ, квартиру лиц, назвавших себя членами организации «Черный сентябрь». Они угрожают расправой не только мне, но и членам моей семьи. В ноябре следователь — полковник КГБ — вызывает мою жену на повторные многочасовые допросы. Моя жена отказывается участвовать в следствии, но вызовы продолжались. Ранее моя жена публично заявила, что передала на Запад попавший в ее руки дневник Эдуарда Кузнецова, однако она считает себя вправе не рассказывать, как и что было сделано для его распространения. Следователь предупреждает ее, что ее действия подпадают под ответственность по статье 70 УК РСФСР со сроком наказания до семи лет. Мне кажется, что на одну семью этого вполне достаточно.

Вскоре после военного переворота в Чили писатели А. Галич, В. Максимов и я обратились к новой администрации Чили с письмом, выражавшим тревогу за жизнь выдающегося чилийского поэта Пабло Неруды. Наше письмо не носило политического характера и не преследовало никаких целей, кроме чисто гуманных. Однако оно вызвало в советской и просоветской западной прессе

взрыв наигранного негодования как якобы «защищающее фашистскую хунту». При этом само письмо цитировалось неточно, а о двух его авторах — Галиче и Максимове — вообще «забыли». Цель организаторов этой кампании — скомпрометировать меня хотя бы таким образом, если не удастся сделать это иначе, — слишком очевидна. Но если отвлечься от явно недобросовестных оппонентов и обратиться к высказываниям, более объективно отражающим общественное либеральное мнение на Западе, то следует сказать, что вся эта история выявила характерное недоразумение, на котором есть смысл остановиться.

Либеральное общественное мнение в демократических странах, как правило, занимает интернациональную позицию, выступая против несправедливости и насилия не только в собственной стране, но и во всем мире. Я не случайно сказал «как правило», — к сожалению, очень часто защита прав человека в социалистических странах в силу мнения об особой прогрессивности их режимов выпадает или почти выпадает из поля деятельности зарубежных организаций. Большая часть моих выступлений как раз и направлена на преодоление этого положения, которое явилось одной из причин наших трагедий. Но сейчас речь не об этом. Будем говорить о той, пока малой, части западной либеральной интеллигенции, которая распространяет свою активность также и на социалистические страны. Эти люди ждут от советских инакомыслящих ответной аналогичной интернациональной позиции в отношении других стран. Но они не учитывают ряда важных обстоятельств: недостаток информации; советский инакомыслящий не только не может поехать в другие страны, но и внутри страны лишен большинства источников информации; исторический опыт нашей страны отучил нас от излишней «левизны», многие факты мы расцениваем иначе, чем «левая» интеллигенция Запада; мы должны избегать политических выступлений на международной арене, где мы так мало знаем, ведь мы и в собственной стране не занимаемся политической деятельностью; мы должны избегать оказываться в русле советской пропаганды, которая так часто нас обманывает. Мы знаем, что в западных странах существуют бдительные и влиятельные силы, которые лучше и эффективнее нас могут выступить против несправедливости и насилия там. Мы не оправдываем несправедливость и насилие, где бы они

ни проявлялись, не считаем, что их в нашей стране обязательно больше, чем в других странах, но сейчас наших сил не может хватить на весь мир. Мы просим учитывать все это и прощать те неточности, которые мы иногда допускаем в полемическом пылу.

Общая позиция, нашедшая выражение в материалах сборника, гораздо ближе к «Размышлениям», чем это может показаться на первый взгляд. Отличия в трактовке политических или политэкономических вопросов, конечно, бросаются в глаза, но поскольку я не претендую на роль первооткрывателя или политического советника, то это менее существенно, чем дух свободной дискуссии, озабоченность фундаментальными вопросами, которые, как мне хотелось бы думать, присутствуют и в «Размышлениях», и в последних работах.

Большинство моих выступлений адресованы руководителям нашего государства или имеют конкретный зарубежный адрес. Но внутренне я обращаю их ко всем людям на земле, и в особенности к людям моей страны, потому что продиктованы они заботой и тревогой о своей стране и ее народе.

Я не являюсь чистым отрицателем нашего образа жизни, признавая многое хорошее в наших людях и стране, горячо ее любя; но вынужден фиксировать внимание на негативных явлениях, так как именно о них умалчивает казенная пропаганда и так как именно они представляют собой наибольший вред и опасность. Я не являюсь противником разрядки международной напряженности, торговли, разоружения — напротив, в ряде работ я призываю именно к этому; именно в конвергенции я вижу единственный путь спасения человечества, но я считаю своим долгом указывать на все скрытые опасности ложной разрядки, разрядки-сговора или разрядки-капитуляции, и призывать к использованию всего арсенала средств, всех усилий для достижения реальной конвергенции, сопровождающейся демократизацией, демилитаризацией и социальным прогрессом.

В заключение я должен выразить глубокую признательность всем, кто способствовал подготовке и изданию этого сборника, — издателю м-ру Кнопфу, редактору м-ру Грину и м-ру Солсберри, моей жене и многим моим друзьям в СССР и других странах.

*31 декабря 1973 года
Москва*

В 1975 году я написал книгу «О стране и мире». В том же году мне была присуждена Нобелевская премия Мира. В 1977 году опубликовал статью «Тревога и надежда». В декабре 1979-го и январе 1980-го выступил с рядом заявлений против введения советских войск в Афганистан. Был лишен всех правительственных наград и без суда выслан в Горький. Там были написаны статьи «Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир» и в 1983 году «Опасность термоядерной войны». В конце 1986 года возвращен в Москву. Продолжаю работать в Физическом институте им. П. Н. Лебедева. Моя предвыборная платформа — результат многолетних мыслей об ответственности ученых и всей предшествующей общественной деятельности.

Цель программы: углубление и расширение перестройки, демократизация, плюрализм, правовое государство, социальная и национальная справедливость, эффективная и экологически безопасная экономика, мир и прогресс. Нельзя допустить, чтобы нерешительность и противоречивость в проведении политической, экономической и национально-конституционной перестройки привели страну к углублению кризиса.

Из предвыборной программы. 1989.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

*Генеральному секретарю ЦК КПСС
тов. Л. И. Брежневу*

Прошу об обсуждении общих вопросов, частично ранее обсуждавшихся в письме Р. А. Медведева, В. Ф. Турчина и в моем письме 1968 года. Прошу также о рассмотрении ряда частных злободневных вопросов, которые глубоко волнуют меня.

Ниже в двух общих списках перечислены вопросы разного масштаба, разной степени бесспорности. Но между ними есть определенная внутренняя связь. Дискуссия и частичная аргументация по поднятым вопросам содержатся в упомянутых письмах и в приложении к этой Записке.

Я хочу также информировать Вас, что в ноябре 1970 года я вместе с В. Н. Чалидзе и А. Н. Твердохлебовым принял участие в учреждении Комитета прав человека в целях изучения проблемы обеспечения прав человека и содействия правовому просвещению. Некоторые документы комитета я прилагаю. Мы надеемся быть полезными обществу, стремимся к диалогу с руководством, к откровенному, гласному обсуждению проблемы прав человека

А. Некоторые неотложные вопросы

Перечисленные ниже вопросы представляются мне неотложными. Для краткости они сформулированы в виде предложений. Отдавая себе отчет в том, что некоторые из вопросов нуждаются в дополнительном изучении, и сознавая, что список по необходимости является неполным и поэтому в какой-то мере субъективным (некоторые не менее важные вопросы я пытался отметить во второй части Записки, а некоторые вообще не могли быть упомянуты), я все же считаю необходимым просить об обсуждении компетентными инстанциями нижеследующих предложений.

1. О политических преследованиях:

а) Я считаю давно назревшей проблемой проведение общей амнистии политических заключенных, включая лиц, осужденных по статьям 70, 72, 190-1, 2, 3 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик, включая осужденных по религиозным мотивам, включая содержащихся в психиатрических учреждениях, включая лиц, осужденных за попытку перехода границы, включая политических заключенных, дополнительно осужденных за попытку побега из лагеря или пропаганду в лагере.

б) Принять меры по обеспечению широкой фактической гласности рассмотрения всех судебных дел, особенно политического характера. Считаю важным пересмотр всех судебных приговоров, постановленных с нарушением принципа гласности.

в) Я считаю недопустимым психиатрические репрессии по политическим, идеологическим и религиозным мотивам. По моему мнению, необходимо принять закон о защите прав лиц, подвергаемых принудительной психиатрической госпитализации; принять решения и необходимые законодательные уточнения для защиты прав лиц, предполагаемых психическими больными при судебном преследовании по политическим обвинениям. В частности, в обоих случаях допустить практику частных психиатрических обследований комиссиями, не зависящими от властей.

г) Независимо от решения этих вопросов в общем порядке, я прошу о рассмотрении компетентными органами ряда конкретных срочных дел; некоторые из них перечислены в прилагаемой Записке.

2. О гласности, о свободе информационного обмена и убеждений:

а) Вынести на всенародное обсуждение проект закона о печати и средствах массовой информации.

б) Принять решение о более свободной публикации статистических и социологических данных.

3. О национальных проблемах, о проблеме выезда из нашей страны:

а) Принять решения и законы о полном восстановлении прав выселенных при Сталине народов.

б) Принять законы, обеспечивающие простое и беспрепятственное осуществление гражданами их права

на выезд за пределы страны и на свободное возвращение. Отменить инструкции, содержащие ограничения этого права, противоречащие закону.

4. О международных проблемах:

а) Проявить инициативу и объявить (или подтвердить — сначала в одностороннем порядке) об отказе от применения первыми оружия массового уничтожения (ядерного оружия, химического, бактериологического и обжигающего). Допустить на свою территорию инспекционные группы для эффективного контроля за разоружением (в случае заключения соглашения о разоружении или частичном ограничении тех или иных типов вооружения).

б) Для укрепления результатов изменения отношений с ФРГ выработать более новую, гибкую и реалистическую позицию по проблеме Западного Берлина.

в) Изменить свою политическую позицию на Ближнем Востоке и во Вьетнаме, активно добиваясь через ООН и по дипломатическим каналам скорейшего мирного урегулирования на условиях компромисса с отказом от одностороннего военного и политического прямого или косвенного вмешательства со стороны США или СССР, с выдвижением программы широкой экономической помощи на международной аполитичной основе (через ООН?), с предложением широкого использования войск ООН для обеспечения политической и военной стабильности в этих районах.

Б. Тезисы и предложения по общим проблемам

В порядке подготовки к обсуждению основных проблем развития и международной политики нашей страны я попытался сформулировать ряд тезисов. Некоторые из них носят дискуссионный характер. Я стремился к наиболее полному изложению своих мыслей, хотя и отдавал себе отчет в том, что некоторые из тезисов представляются неприемлемыми, а некоторые представляются неинтересными, малозначительными.

1. Начиная с 1956 года в нашей стране осуществлен ряд важных мероприятий, устраняющих наиболее опасные и уродливые черты предыдущего этапа развития советского общества и нашей государственной политики. Однако одновременно имеют место определенные

негативные явления — отступления, непоследовательность и медлительность в осуществлении новой линии. Необходима выработка четкой и последовательной программы дальнейшей демократизации и либерализации и осуществление ряда неотложных первоочередных шагов. Этого требуют интересы технико-экономического прогресса, постепенного преодоления отставания и изоляции от передовых капиталистических стран, благосостояния широких слоев населения, внутренней стабильности и внешней безопасности нашей страны. Развитие нашей страны идет в условиях существенных трудностей отношений с Китаем. Налицо серьезные внутренние трудности в области экономики и благосостояния населения, технико-экономического прогресса, культуры и идеологии.

Следует отметить обострение национальной проблемы, сложности взаимоотношений партийно-государственного аппарата и интеллигенции, взаимоотношений основной массы трудящихся, находящихся в относительно худшем положении в бытовом и экономическом отношениях, в отношении продвижения по работе и культурного роста, испытывающих в ряде случаев чувство разочарования в «громких словах», и привилегированной группы и «начальства», к которому более отсталые слои трудящихся нередко относят в силу традиционных предрассудков главным образом интеллигенцию. Внешняя политика нашей страны не всегда является достаточно реалистичной. Необходимы кардинальные решения для предупреждения возможных осложнений.

2. Я высказываю мнение, что было бы правильным следующим образом охарактеризовать общество, к осуществлению которого должны быть направлены неотложные государственные реформы и усилия граждан по развитию общественного сознания.

а) Основной своей целью государство ставит охрану и обеспечение основных прав своих граждан. Защита прав человека выше других целей.

б) Все действия государственных учреждений целиком основаны на законах (стабильных и известных гражданам). Соблюдение законов обязательно для всех граждан, учреждений и организаций.

в) Счастье людей, в частности, обеспечено их свободой в труде, в потреблении, в личной жизни, в образо-

вании, в культурных и общественных проявлениях, свободой убеждений и совести, свободой информационного обмена и передвижения.

г) Гласность содействует контролю общественности за законностью, справедливостью, целесообразностью всех принимаемых решений, способствует эффективности всей системы, обуславливает научно-демократический характер системы управления, способствует прогрессу, благосостоянию и безопасности страны.

д) Соревновательность, гласность, отсутствие привилегий обеспечивают целесообразное и справедливое поощрение труда, способностей и инициативы всех граждан.

е) Имеется определенное расслоение общества по роду занятий, характеру способностей и отношений, но должно быть и стремление к сглаживанию этих различий.

ж) Основная энергия страны направлена на гармоничное внутреннее развитие с целесообразным использованием трудовых и природных ресурсов. В этом основа ее силы и благосостояния. Страна и ее народ всегда готовы к дружескому, обусловленному общечеловеческим братством международному сотрудничеству и помощи, но общество не нуждается во внешней политике как средстве внутренней политической стабилизации, или для расширения зоны влияния, или экспорта своих идей; обществу чужды мессианство, заблуждения о единственности и исключительных достоинствах своего пути и отрицание пути других, органически чужды догматизм, авантюризм и агрессивность. В частности, в конкретных условиях нашей страны только концентрация ресурсов на внутренних проблемах позволит преодолеть трудности в области экономики и благосостояния населения, при ряде дополнительных условий (демократизация, ликвидация информационной изоляции нашего народа от остального мира, экономические мероприятия) обеспечит надежду на постепенное преодоление отставания от передовых капиталистических стран, обеспечит безопасность страны от возможных обострений с Китаем, обеспечит большую возможность для помощи нуждающимся странам.

3. Внешняя политика:

а) Основная внешнеполитическая проблема — взаимоотношения с Китаем. Предлагая китайскому народу альтернативу экономической, технической и культурной

помощи, братского сотрудничества и совместного движения по демократическому пути, всегда оставляя возможность этого пути развития отношений, проявить одновременно особую заботу для обеспечения безопасности нашей страны, избегать всех других возможных внешних и внутренних осложнений, осуществлять свои планы освоения Сибири с учетом указанного фактора.

б) Стремиться к невмешательству во внутренние дела других социалистических стран и к экономической взаимопомощи.

в) Выступить с инициативой создания (в рамках ООН?) нового международного консультативного органа — «Международного совета экспертов по вопросам мира, разоружения, экономической помощи нуждающимся странам, по защите прав человека, по охране природной среды» из авторитетных и беспристрастных лиц. Статут совета и процедура, определяющая его состав, должны обеспечивать максимальную независимость от интересов отдельных государств и групп государств. Вероятно, при определении состава совета и его статута необходимо учитывать пожелания основных международных организаций заключить международный пакт, обязывающий к рассмотрению законодательными и правительственными органами рекомендаций Совета экспертов, которые должны носить гласный и обоснованный характер. Решения национальных органов по этим рекомендациям тоже должны быть гласными, вне зависимости от того, приняты или отвергнуты рекомендации.

4. Экономические проблемы, управление, кадры:

а) Углубление экономической реформы 1965 года, увеличение хозяйственной самостоятельности всех производственных единиц, пересмотр ряда ограничительных положений в отношении подбора кадров, зарплаты и поощрения, системы материального снабжения и фондов, планирования, кооперирования, выбора профиля продукции, финансирования.

б) В области кадров и управления. Принять решения по расширению гласности в работе государственных учреждений всех ступеней в пределах, допускаемых интересами государства. В особенности существен пересмотр традиции «кабинетности» в вопросах кадровой политики, расширение гласного общественного делового

контроля над подбором кадров, выборности и фактической сменяемости при непригодности руководителей всех уровней. Я подразумеваю также обычное требование демократических программ о ликвидации системы выборов без избыточного числа кандидатов, то есть о ликвидации «выборов без выбора». Одновременно необходимы улучшение информированности, самостоятельность, право на эксперимент, перенос центра ответственности в сторону руководимого предприятия и его служащих. Улучшение методов специальной подготовки и делового обучения руководителей всех уровней. Ликвидация специальных привилегий, связанных со служебным и партийным положением, как очень вредных в социальном и деловом смысле. Публикация величины должностных окладов. Реорганизация отделов кадров, ликвидация номенклатурных списков и тому подобных пережитков предыдущей эпохи. Создание при руководящих органах научно-консультационных советов, включающих ученых разных специальностей и обладающих необходимой самостоятельностью.

в) Мероприятия, способствующие расширению сельскохозяйственного производства на приусадебных участках колхозников, рабочих совхозов и единоличников,— изменение налоговой политики, расширение земельных угодий этого сектора, изменение системы снабжения этого сектора сельскохозяйственной современной и специально разработанной техникой, удобрениями и др. Мероприятия, улучшающие снабжение села строительными материалами, топливом, расширение всех форм кооперативного хозяйствования на селе с изменением налоговой политики, разрешение найма рабочих и их оплаты в соответствии с интересами дела, с изменением системы материального снабжения села.

г) Расширение возможностей и выгодности частной инициативы в сфере обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании и т. п.

5. Рассмотреть вопрос о постепенной отмене паспортного режима как серьезного тормоза в развитии производительных сил страны и как нарушения прав граждан, в особенности сельских жителей.

6. В области информационного обмена, культуры, науки и свободы убеждений:

а) Поощрять свободу убеждений, дух изучения, делового беспокойства.

б) Прекратить глушение иностранных радиопередач, расширить ввоз иностранной литературы, войти в международную систему охраны авторских прав, облегчить международный туризм — для преодоления пагубной для нашего развития изоляции.

в) Принять решения, обеспечивающие фактическое отделение церкви от государства, фактическую (то есть обеспеченную юридически, материально и административно) свободу совести и вероисповедания.

г) Пересмотреть те стороны взаимоотношений государственно-партийного аппарата и искусства, литературы, театра, органов образования и т. п., которые наносят ущерб развитию культуры в нашей стране, снижают смелость и разносторонность творческого поиска, приводят к казенщине, серости и ритуальности. В общественных и гуманитарных науках, роль которых в современной жизни непрерывно возрастает (в философии, истории, социологии, юриспруденции и т. п.), — обеспечить ликвидацию застоя, расширение направлений творческого поиска, независимость от предвзятых точек зрения, использование всей гаммы зарубежного опыта.

7. В социальной области:

а) Рассмотреть вопрос о возможности отмены смертной казни. Отменить особый строгий режим лишения свободы, как противоречащий гуманности. Принять меры по совершенствованию пенитенциарной системы, с использованием зарубежного опыта и рекомендаций ООН.

б) Рассмотреть возможность учреждения общественного наблюдательного органа, имеющего целью исключить возможность применения физических мер воздействия (избиения, голод и холод и т. п.) к задержанным, арестованным и осужденным.

в) Резкое улучшение качества образования. Повышение оплаты и самостоятельности учителей школ и преподавателей вузов. Уменьшение формальной роли дипломов и ученых степеней. Уменьшение унифицированности системы образования, более широкое профилирование в школах. Увеличение гарантии права на убеждения.

г) Расширение мер борьбы с алкоголизмом с при-

влечением возможностей общественного контроля над всеми аспектами проблемы.

д) Усилить мероприятия по борьбе с шумом, с отравлением воздуха и воды, борьбе с эрозией, засолением почвы и отравлением ее химикатами. Улучшить защиту лесов, диких и домашних животных, защиту животных от жестокостей.

е) Реформа системы медицинского обслуживания. Расширение сети поликлиник и больниц, увеличение роли частнопрактикующего врача, медсестры, сиделки. Увеличение зарплаты медработникам всех уровней. Реформа медицинской промышленности. Повсеместная доступность современных лекарств и средств. Внедрение рентгено-телевизионных установок.

8. В правовой области:

а) Ликвидация явных и скрытых форм дискриминации — по убеждениям, по национальному признаку и т. п.

б) Фактическая гласность судопроизводства во всех случаях, где она не противоречит основным правам граждан.

в) Рассмотреть вопрос о ратификации Верховным Советом СССР Пактов о правах человека, принятых 21-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН, и о присоединении к Факультативному протоколу к этим пактам.

9. В области взаимоотношений с национальными республиками:

Наша страна провозгласила право нации на самоопределение вплоть до отделения. Реализация права на отделение в случае Финляндии была санкционирована Советским правительством. Право на отделение союзных республик провозглашено Конституцией СССР. Имеется, однако, неясность в отношении гарантий права и процедуры, обеспечивающей подготовку, необходимое обсуждение и фактическую реализацию права. Фактически даже обсуждение подобных вопросов нередко преследуется. По моему мнению, юридическая разработка проблемы и принятие закона о гарантиях права на отделение имели бы важное внутреннее и международное значение как подтверждение антиимпериалистического и антишовинистического характера нашей политики. По всей видимости, тенденции к выходу какой-либо республики из СССР не носят массового

характера, и они, несомненно, еще более ослабнут со временем в результате дальнейшей демократизации в СССР. С другой стороны, не подлежит сомнению, что республика, вышедшая по тем или иным причинам из СССР мирным конституционным путем, полностью сохранит свои связи с социалистическим содружеством наций. Экономические интересы и обороноспособность социалистического лагеря в этом случае не пострадают, поскольку сотрудничество социалистических стран носит весьма совершенный и всеобъемлющий характер и, несомненно, будет еще более углубляться в условиях взаимного невмешательства социалистических стран во внутренние дела друг друга. По этим причинам обсуждение поставленного вопроса не представляется мне опасным.

Если изложение данной Записки носило кое-где излишне безапелляционный характер, это следует отнести за счет конспективности. Проблемы, стоящие перед нашей страной, находятся в глубокой взаимной связи с некоторыми сторонами общемирового кризиса XX века — кризиса международной безопасности, потери стабильности общественного развития, идеологического тупика и разочарованности в идеалах недавнего прошлого, национализма, опасности дегуманизации. Конструктивное разрешение наших проблем, осторожное, гибкое и одновременно решительное, в силу особого положения нашей страны в мире, будет иметь важное значение для всего человечества.

5 марта 1971 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКЕ

Памятная записка была направлена на имя Генерального секретаря ЦК КПСС 5 марта 1971 года. Она осталась без ответа. Я не считаю себя вправе далее откладывать ее опубликование. Послесловие написано в июне 1972 года. Оно содержит некоторые дополнения и частично заменяет упомянутое в тексте Записки приложение «О преследованиях по политическим мотивам».

Я начал общественную деятельность около 10—12 лет назад, осознав преступный характер возможной термоядерной войны и воздушных испытаний термоядерного оружия. С тех пор я пересмотрел многое в своих взглядах, в особенности начиная с 1968 года (для меня лично начало этого года ознаменовалось работой над «Размышлениями о прогрессе», а конец, как и для всех, грохотом танков на улицах не покорившейся Праги).

Но основа моих взглядов все же осталась прежней.

Я по-прежнему не могу не ценить большие благотворные изменения (социальные, культурные, экономические), которые произошли в нашей стране за последние 50 лет, отдавая, однако, себе отчет в том, что аналогичные изменения имели место во многих странах и что они являются проявлением общемирового прогресса.

Я по-прежнему считаю, что преодоление трагических противоречий и опасностей нашей эпохи возможно только на пути сближения и встречной деформации капитализма и социалистического строя.

В капиталистических странах этот процесс должен сопровождаться дальнейшим усилением элементов социальной защиты прав трудящихся, ослаблением милитаризма и его влияния на политическую жизнь. В социалистических странах также необходимо ослабление милитаризации экономики и мессианской идеологии, жизненно необходимо ослабление крайних проявлений

централизма и партийно-государственной бюрократической монополии как в экономической области производства и потребления, так и в области идеологии и культуры.

Я по-прежнему придаю решающее значение демократизации общества, развитию гласности, законности, обеспечению основных прав человека.

Я по-прежнему надеюсь на эволюцию общества в этих направлениях под воздействием технико-экономического прогресса, хотя мои прогнозы стали более сдержанными.

Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше, кажется, что единственной истинной гарантией сохранения человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру.

Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя — партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции — цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить себе никакого «свободомыслия» и обречены на мучительный разлад самих с собой. Размеры национального бедствия приобрело пьянство. Оно является одним из симптомов нравственной деградации общества, которое все больше погружается в состояние хронического алкогольного отравления.

Для духовного оздоровления страны необходима ликвидация условий, толкающих людей на лицемерие и приспособленчество, создающих у них чувство бессилия, неудовлетворенности и разочарования. Необходимо обеспечение для всех на деле, а не на словах равных возможностей в продвижении на работе, в образовании и культурном росте, необходима ликвидация системы привилегий во всех областях потребления. Необходима большая идеологическая свобода, полное прекращение всех форм преследования за убеждения. Необходима коренная реформа образования. Эти мысли лежат в основе многих предложений Памятной записки.

В Записке упомянута, в частности, проблема улуч-

шения материального положения и самостоятельности двух наиболее многочисленных и социально весомых групп интеллигенции — учителей и медицинских работников. Плачевное состояние народного образования и здравоохранения тщательно скрывается от зарубежного глаза, но для всех желающих видеть не может являться секретом. Бесплатный характер здравоохранения и образования — не более чем экономическая иллюзия в обществе, где вся прибавочная стоимость экспроприируется и распределяется государством. В здравоохранении и образовании особенно пагубно отразилась иерархическая классовая структура нашего общества с его системой привилегий. Состояние образования и здравоохранения для народа — это нищета общедоступных больниц, бедность сельских школ, переполненные классы, бедность и придавленность народного учителя, казенное лицемерие в преподавании, распространяющее на подрастающее поколение дух равнодушия к нравственным, художественным и научным ценностям.

Особое место в числе условий оздоровления общества занимает прекращение преследований по политическим мотивам как в судебных и психиатрических формах, так и в любых других, на которые способна наша бюрократическая и косная система с ее тоталитарным вмешательством государства в жизнь граждан (увольнение с работы, исключение из вузов, отказ в прописке, ограничение в продвижении по работе и т. п.).

Ростки нравственного возрождения народа и интеллигенции, которые возникли после ограничения крайних проявлений слепой террористической системы сталинизма, не встретили должного понимания у правящих кругов. Основные классово-социальные и идеологические черты строя не претерпели существенных изменений. С болью и тревогой я вынужден отметить, что вслед за иллюзорным в значительной мере либерализмом вновь усиливаются ограничения идеологической свободы, стремление к пресечению не контролируемой государством информации, преследования по политическим и идеологическим мотивам, намеренное обострение национальных проблем. Пятнадцать месяцев, прошедших с момента подачи Записки, принесли новые тревожные свидетельства развития этих тенденций.

Особенно волнует волна политических арестов в первые месяцы 1972 года. Многочисленные аресты имели

место на Украине. Аресты имели место также в Москве, в Ленинграде и в других районах страны.

Внимание общественности в эти же месяцы привлекли суды над Буковским в Москве, над Строкатою в Одессе и другие. Необычайно опасным по своим последствиям для общества и совершенно недопустимым нарушением прав человека является использование в политических целях психиатрии; известны многочисленные протесты и высказывания по этому вопросу, сейчас по-прежнему в тюремных психиатрических больницах находятся Григоренко, Гершуни и многие другие; неизвестна судьба Файнберга и Борисова; есть и новые факты психиатрических репрессий (например, дело поэта Лупыноса на Украине).

Преследование и разрушение религии, с упорством и жестокостью проводящиеся на протяжении десятилетий, — несомненно, одно из самых серьезных по своим последствиям нарушений прав человека в нашей стране. Свобода религиозных убеждений и религиозной деятельности — неотъемлемая часть интеллектуальной свободы вообще. К сожалению, последние месяцы ознаменовались новыми фактами религиозных преследований, в частности в Прибалтике и в других местах.

Я не останавливаюсь в этом Послесловии на ряде важных проблем, получивших отражение в Памятной записке и в других документах, опубликованных мною, — в открытых письмах членам Президиума Верховного Совета СССР «О свободе выезда из страны» и министру МВД «О дискриминации в отношении крымских татар».

Не останавливаюсь также на большинстве получивших отражение в Записке международных проблем, выделяю из их числа вопрос об ограничении гонки вооружений. Милитаризация экономики накладывает глубокий отпечаток на международную и внутреннюю политику, приводит к нарушениям демократии, гласности и законности, создает угрозу миру. Хорошо изучена роль военно-промышленного комплекса в политике США. Аналогичная роль тех же факторов в СССР и других социалистических странах менее изучена. Однако необходимо отметить, что ни в одной стране доля военных расходов, отнесенная к национальному доходу, не достигает таких размеров, как в СССР (более 40 процентов). В обстановке взаимного недоверия особую роль играет проблема контроля, отмеченная в Записке.

Я пишу это Послесловие вскоре после подписания важных соглашений об ограничении ПРО и стратегических ракет. Хочется верить в чувство ответственности перед человечеством политических руководителей и деятелей военно-промышленных комплексов в США и СССР.

Хочется верить, что эти соглашения имеют не только символический смысл, но и приведут к реальному сокращению гонки вооружений и к дальнейшим шагам, смягчающим политический климат в нашем пострадавшем мире.

В заключение я считаю необходимым подчеркнуть то значение, которое я придаю предложению об организации международного консультативного органа — «Международного совета экспертов», обладающего правом рекомендаций с обязательным рассмотрением их национальными правительствами, — пункт Б.3. в Записке. Я считаю это предложение реальным — при условии широкой международной поддержки, о которой я прошу, — я обращаюсь не только к советским, но и к зарубежным читателям. Надеюсь также, что мой голос «изнутри» социалистического мира в какой-то мере поможет осмыслению исторического опыта последних десятилетий.

Июнь 1972 года

МИР ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Сильные и противоречивые чувства охватывают каждого, кто задумывается о будущем мира через 50 лет — о том будущем, в котором будут жить наши внуки и правнуки. Эти чувства — удрученность и ужас перед клубком трагических опасностей и трудностей безмерно сложного будущего человечества, но одновременно надежда на силу разума и человечности в душах миллиардов людей, которая только одна может противостоять надвигающемуся хаосу. Это также восхищение и живейшая заинтересованность, вызываемые многосторонним и неудержимым научно-техническим прогрессом современности.

Что определяет будущее?

По почти всеобщему мнению, из числа факторов, которые определяют облик мира в ближайшие десятилетия, бесспорными и несомненными являются:

рост населения (к 2024 году более 7 миллиардов человек на планете); истощение природных ресурсов — нефти, природного плодородия почвы, чистой воды и т. п.; серьезное нарушение природного равновесия и среды обитания человека.

Эти три бесспорных фактора создают удручающий фон для любых прогнозов. Но столь же бесспорен и весом еще один фактор — научно-технический прогресс, который накапливал «разбег» на протяжении тысячелетий развития цивилизации и только теперь начинает полностью выявлять свои блистательные возможности.

Я глубоко убежден, однако, что огромные материальные перспективы, которые заключены в научно-техническом прогрессе, при всей их исключительной важности и необходимости, не решают все же судьбы человечества сами по себе. Научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной,

нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю, духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель и спасение цивилизации.

Самое главное неизвестное в наших прогнозах — это возможность гибели цивилизации и самого человечества в огне большой термоядерной войны. До тех пор, пока существуют термоядерно-ракетное оружие и враждующие, полные недоверия государства и группы государств, эта страшная опасность является самой жестокой реальностью современности.

Но, избегнув большой войны, человечество все же может погибнуть, истощив свои силы в «малых» войнах, в межнациональных и межгосударственных конфликтах, от соперничества и отсутствия согласованности в экономической сфере, в охране среды, в регулировании прироста населения, от политического авантюризма.

Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали, проявляющийся уже сейчас в глубоком распаде во многих странах основных идеалов права и законности, в потребительском эгоизме, во всеобщем росте уголовных тенденций, в ставшем международным бедствием националистическом и политическом терроризме, в разрушительном распространении алкоголизма и наркомании. В разных странах причины этих явлений несколько различны. Все же мне кажется, что наиболее глубокая, первичная причина лежит во внутренней бездуховности, при которой личная мораль и ответственность человека вытесняются и подавляются *абстрактным и бесчеловечным по своей сущности, отчужденным от личности авторитетом* (государственным, или классовым, или партийным, или авторитетом вождя — это все не более чем варианты одной и той же беды).

При современном состоянии мира, когда имеется огромный и имеющий тенденцию увеличиваться разрыв в экономическом развитии различных стран, когда налицо разделение мира на противостоящие друг другу группы государств, — все опасности, угрожающие человечеству, в колоссальной степени увеличиваются.

Значительная доля ответственности за это ложится на социалистические страны. Я должен тут об этом сказать, так как на меня, как на гражданина влиятельнейшего из социалистических государств, тоже ложится

своя часть этой ответственности. Партийно-государственная монополия во всех областях экономической, политической, идеологической и культурной жизни; неизжитый груз скрываемых кровавых преступлений недавнего прошлого; перманентное подавление инакомыслия; лицемерно-самовосхваляющая, догматическая и часто националистическая идеология; закрытость этих обществ, препятствующих свободным контактам их граждан с гражданами любых других стран; формирование в них эгоистического, безнравственного, самодовольного и лицемерного правящего бюрократического класса, — все это создает ситуацию, не только неблагоприятную для населения этих стран, но и опасную для всего человечества. Население этих стран в значительной степени унифицировано в своих стремлениях пропагандой и некоторыми несомненными успехами, частично развращено приманками конформизма, но в то же время оно страдает и раздражено из-за постоянного отставания от Запада в материальном и социальном прогрессе. Бюрократическое руководство по своей природе не только неэффективно в решении текущих задач прогресса, оно еще, кроме того, всегда сосредоточено на сиюминутных, узкогрупповых интересах, на ближайшем докладе начальству. Такое руководство плохо способно на деле заботиться об интересах будущих поколений (например, об охране среды), а главным образом может лишь говорить об этом в парадных речах.

Что противостоит (или может противостоять, должно противостоять) разрушительным тенденциям современной жизни? Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке.

Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования.

Очень большой должна быть роль международных организаций — ООН, ЮНЕСКО и других, в которых я хотел бы видеть зачаток мирового правительства, чуждого каких-либо целей, кроме общечеловеческих.

Но необходимо как можно скорей сделать существенные промежуточные, возможные уже сейчас шаги. По моему мнению, это должно быть расширение деятельности по экономической и культурной помощи развивающимся странам, в особенности помощи в решении продовольственных проблем и в создании экономически активного, духовно здорового общества; это создание международных консультативных органов, следящих за соблюдением прав человека в каждой стране и за сохранением среды. И самое простое, насущное — повсеместное прекращение таких недопустимых явлений, как любые формы преследования инакомыслия; повсеместный допуск уже существующих международных организаций (Красного Креста, Всемирной организации здравоохранения, «Эмнисти Интернешнл» и др.) туда, где можно предполагать нарушения прав человека, в первую очередь в места заключения и психиатрические тюрьмы; демократическое решение проблемы свободы перемещения по планете (эмиграции, реэмиграции, личных поездок).

Решение проблемы свободы перемещения на планете особенно существенно для преодоления закрытости социалистических обществ, для создания атмосферы доверия, для сближения правовых и экономических стандартов в разных странах.

Я не знаю, понимают ли до конца люди на Западе, что представляет собой сейчас декларируемая свобода туризма в социалистических странах, — как много в этом показного, казенщины, жесточайшей регламентации. Для немногих пользующихся доверием подобные поездки чаще всего просто оплаченная конформизмом притягательнейшая возможность приодеться «по-западному», вообще войти в элиту. Я уже много писал о проблемах отсутствия свободы перемещения, но это тот Карфаген, который должен быть разрушен.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что борьба за права человека — это и есть реальная сегодняшняя борьба за мир и будущее человечества. Именно поэтому я считаю, что основой деятельности всех международных организаций должна стать Всеобщая декларация прав

человека, в том числе основной деятельности провозгласившей ее 25 лет назад Организации Объединенных Наций.

Гипотезы о техническом облике будущего

Во второй части статьи я изложу некоторые футурологические гипотезы, в основном научно-технического характера. Большинство из них уже публиковалось в той или иной форме, и я не выступаю тут ни как автор, ни как эксперт. Моя цель другая — попытаться набросать общую картину технических аспектов будущего. Естественно, что эта картина является весьма гипотетической и субъективной, а местами условно-фантастической. Я не считал себя при этом слишком связанным датой 2024 года, то есть писал не о сроках, а о возможных, по моему мнению, тенденциях. Предсказатели недавнего прошлого чаще всего завышали сроки своих прогнозов, но для современных футурологов нельзя исключить и обратной ошибки.

Я предполагаю постепенное (далеко не завершенное к 2024 году) выделение из перенаселенного, плохо приспособленного для жизни людей и сохранения природы индустриального мира двух типов территорий. Назову их условно: «Рабочая территория» (ниже РТ) и «Заповедная территория» (ЗТ). Бóльшая по площади «Заповедная территория» предназначена для поддержания природного равновесия на Земле, для отдыха людей и активного восстановления равновесия в самом человеке. На «Рабочей территории» (меньшей по площади и с гораздо большей средней плотностью населения) люди проводят бóльшую часть своего времени, ведется интенсивное сельское хозяйство, природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в «сверхгородах», в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта — искусственным климатом, освещением, автоматизированными кухнями, голографическими стенами-пейзажами и т. п. Однако бóльшую часть этих городов составляют пригороды, растянувшиеся на десятки километров. Я рисую себе эти пригороды будущего по образцу наиболее благополучных сейчас стран — застроенными семейными домиками-коттеджами с сади-

ками, огородиками, детскими учреждениями, спорт-площадками, купальными бассейнами, со всеми предприятиями быта и современным городским комфортом, с бесшумным и удобным общественным транспортом, с чистым воздухом, с кустарным и художественным производством, со свободной и разнообразной культурной жизнью.

Несмотря на довольно высокую среднюю плотность населения, жизнь в РТ при разумном решении социальных и межгосударственных проблем может быть ничуть не менее здоровой, естественной и счастливой, чем жизнь человека из средних классов в современных развитых странах, то есть гораздо более здоровой, чем это доступно подавляющему большинству наших современников. Но у человека будущего, как я надеюсь, будет возможность часть своего времени, хотя и меньшую, проводить в еще более «естественных» условиях ЗТ. Я предполагаю, что в ЗТ люди тоже живут жизнью, имеющей реальную общественную цель, — они не только отдыхают, но и трудятся руками и головой, читают книги, размышляют. Они живут в палатках или в домах, построенных ими как дома их предков. Они слышат шум горного ручья или просто наслаждаются тишиной, красотой дикой природы, лесов, неба и облаков. Основная их работа — помочь сохранению природы и сохранению самих себя.

Условный числовой пример. Площадь РТ — 30 миллионов квадратных километров, средняя плотность населения — 300 человек на квадратный километр. Площадь ЗТ — 80 миллионов квадратных километров, средняя плотность населения — 25 человек на квадратный километр. Общее население Земли — 11 миллиардов человек, люди около 20 процентов своего времени могут проводить в ЗТ.

Естественным расширением РТ явятся «летающие города» — искусственные спутники Земли, выполняющие важные производственные функции. На них сосредоточена гелиоэнергетика, возможно значительная часть ядерных и термоядерных установок с лучистым охлаждением энергетических холодильников, что даст возможность избежать теплового перегрева Земли; это предприятия вакуумной металлургии, парникового хозяйства и т. п.; это космические научные лаборатории, промежуточные станции для дальних полетов. Как под РТ, так и под ЗТ — широкое развитие подземных горо-

дов — для сна, развлечений, для обслуживания подземного транспорта и добычи полезных ископаемых.

Я предполагаю индустриализацию, механизацию и интенсификацию земледелия (в особенности в РТ) — не только с самым широким использованием классических типов удобрений, но и с постепенным созданием искусственной сверхпродуктивной почвы, с повсеместным применением обильного орошения, в северных районах — широчайшее развитие парникового хозяйства с использованием подсветки, подогрева почвы, электрофореза, возможно и других физических методов воздействия. Конечно, сохранится и даже усилится первостепенная, решающая роль генетики и селекции. Таким образом, «зеленая революция» последних десятилетий должна продолжаться и развиваться. Возникнут также новые формы земледелия — морское, бактериальное, микроводорослевое, грибное и т. п. Поверхность океанов, Антарктиды, а в дальнейшем, возможно, Луны и планет будет постепенно втягиваться в орбиту земледелия.

Сейчас очень острой проблемой в области питания является белковый голод, от которого страдают многие сотни миллионов людей. Решение этой проблемы за счет расширения объема животноводства в перспективе невозможно, так как уже сейчас производство кормов поглощает около 50 процентов продукции земледелия. Более того, многие факторы, и в том числе задачи сохранения среды, толкают на сокращение животноводства. Я предполагаю, что в течение ближайших десятилетий будет создана мощная промышленность производства заменителей животного белка, в частности производства искусственных аминокислот, главным образом для обогащения продуктов растительного происхождения, что приведет к резкому сокращению животноводства.

Почти столь же радикальные изменения должны произойти в промышленности, энергетике и быте. В первую очередь, задачи сохранения среды обитания диктуют повсеместный переход на замкнутый по отходам цикл, с полным отсутствием вредных и засоряющих отходов. Гигантские технические и экономические проблемы, связанные с таким переходом, могут быть решены лишь в международном масштабе (так же как проблемы перестройки сельского хозяйства, демографические проблемы и т. п.).

Другой чертой промышленности, как и всего общества будущего, будет гораздо более широкое, чем сейчас, использование кибернетической техники.

Я предполагаю, что параллельное развитие полупроводниковой, магнитной, электронно-вакуумной, фотоэлектронной, лазерной, криотронной, газодинамической и иной кибернетической техники приведет к огромному возрастанию ее потенциальных и экономическо-технических возможностей.

В области промышленности можно предполагать большую степень автоматизации и гибкости, «перестраиваемости» производства — в зависимости от спроса и потребностей общества в целом. Такая перестраиваемость промышленности будет иметь далеко идущие социальные последствия. В идеале можно думать, в частности, о преодолении социально вредных и пагубных для сохранения ресурсов и среды явлений искусственной стимуляции «сверхспроса», которые сейчас имеют место в развитых странах и частично связаны с консерватизмом массового производства.

В бытовой технике все большую роль будут играть простейшие автоматы.

Но особенную роль будет играть прогресс в области связи и информационной службы.

Одним из первых этапов этого прогресса представляется создание единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи. В перспективе, быть может позднее, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки. ВИС должна включать индивидуальные миниатюрные запросные приемники-передатчики, диспетчерские пункты, управляющие потоками информации, каналы связи, включающие тысячи искусственных спутников связи, кабельные и лазерные линии. Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих из наших современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности.

Но поистине историческая роль ВИС будет в том,

что окончательно исчезнут все барьеры обмена информацией между странами и людьми. Полная доступность информации, в особенности распространенная на произведения искусства, несет в себе опасность их обесценивания. Но я верю, что это противоречие будет как-то преодолено. Искусство и его восприятие всегда настолько индивидуальны, что ценность личного общения с произведением и артистом сохранится. Также сохранит свое значение книга, личная библиотека — именно потому, что они несут в себе результат индивидуального выбора, и в силу их красоты и традиционности в хорошем смысле этого слова. Общение с искусством и с книгой навсегда останется праздником.

Об энергетике. Я уверен, что в течение 50 лет сохранится и даже возрастет значение энергетике, основанной на сжигании угля на гигантских электростанциях с полным поглощением вредных отходов. В то же время, несомненно, огромное развитие получит атомная энергетика и к концу этого периода — термоядерная энергетика. Проблема «захоронения» отходов атомной энергетике — уже сейчас чисто экономическая, и в перспективе это будет не более сложно и дорого, чем столь же необходимое в будущем извлечение сернистого газа и окислов азота из топочных газов тепловых электростанций.

О транспорте. В области семейно-индивидуального транспорта, который в основном будет применяться в ЗТ, на смену автомобилю, по моим предположениям, придет аккумуляторная повозка на шагающих «ногах», не нарушающих травяного покрова и не требующих асфальтовых дорог. Для основных грузовых и пассажирских перевозок — гелиевые дирижабли с атомным двигателем и, главным образом, быстроходные поезда с атомным двигателем на эстакадах и в туннелях. В ряде случаев, в особенности в городском транспорте, получит распространение погрузка и выгрузка на ходу с использованием специальных подвижных «промежуточных» устройств (движущиеся тротуары, подобные описанным в романе Герберта Уэллса «Когда спящий проснется», разгрузочные вагоны на параллельных путях и т. п.).

О науке, новейшей технике, космических исследованиях. В научных исследованиях еще большее значение, чем теперь, получит теоретическое вычислительное «моделирование» многих сложных процессов. Использование вычислительных машин с большим объемом па-

мяти и быстроедействием (машины параллельного действия, возможно фотоэлектронные или чисто оптические с логическим оперированием информационными полями-картинами) даст возможность решить многомерные задачи, задачи с большим числом степеней свободы, квантово-механические и статистические задачи многих тел и т. п. Примеры подобных задач: прогноз погоды, магнитная газодинамика Солнца, солнечной короны и других астрофизических объектов, расчеты органических молекул, расчеты элементарных биофизических процессов, расчеты свойств твердых и жидких тел, жидких кристаллов, расчеты свойств элементарных частиц, космологические расчеты, расчеты «многомерных» производственных процессов, например в металлургии и химической промышленности, сложные экономические и социологические расчеты и т. п. Хотя вычислительное моделирование ни в коем случае не может и не должно заменить эксперимент и наблюдения, оно дает тем не менее огромные дополнительные возможности развития науки. Например, это великолепная возможность контроля правильности теоретического объяснения того или иного явления.

Возможно, будут достигнуты успехи в синтезе веществ, обладающих сверхпроводимостью при комнатной температуре. Такое открытие означало бы революцию в электротехнике и многих других областях техники, например в транспорте (сверхпроводящие рельсы, на которых повозка скользит без трения на магнитной «подушке»; конечно, сверхпроводящими могут быть, наоборот, полозья повозки, а рельсы — магнитными).

Я предполагаю, что достижения физики и химии (быть может, с использованием математического моделирования) позволят не только создать синтетические материалы, превосходящие природные по всем существенным свойствам (тут первые шаги уже сделаны), но и воспроизвести искусственно многие уникальные свойства целых систем живой природы. Можно представить себе, что в автоматах будущего будут применяться экономичные и легко управляемые искусственные «мускулы» из обладающих свойством сокращаемости полимеров, что будут созданы высокочувствительные анализаторы органических и неорганических примесей в воздухе и воде, работающие по принципу искусственного «носа», и т. п. Я предполагаю, что возникнет производство искусственных алмазов из графита при помощи

специальных подземных ядерных взрывов. Алмазы, как известно, играют очень важную роль в современной технике, и дешевое их производство будет способствовать этому.

Еще более важное место, чем сейчас, в науке будущего должны занять космические исследования. Я предполагаю расширение попыток установления связи с инопланетными цивилизациями. Это — попытки принять сигналы от них во всех известных видах излучений и одновременно проектирование и осуществление собственных излучающих установок. Это — поиски в космосе информационных снарядов инопланетных цивилизаций. Информация, полученная «извне», может оказать революционизирующее воздействие на все стороны человеческой жизни — на науку, технику, может быть полезной в смысле обмена социальным опытом. Бездействие в этом направлении, несмотря на отсутствие каких-либо гарантий успеха в обозримом будущем, было бы неразумным.

Я предполагаю, что мощные телескопы, установленные в космических научных лабораториях или на Луне, дадут возможность увидеть планеты, обращающиеся вокруг ближайших звезд (альфа Центавра и других). Атмосферные помехи делают нецелесообразным увеличение зеркал наземных телескопов сверх уже существующих.

Вероятно, к концу пятидесятилетия начнется хозяйственное освоение поверхности Луны, а также использование астероидов. Произведя на поверхности астероидов взрывы специальных атомных зарядов, возможно, удастся управлять их движением, направлять их «поближе» к Земле.

Я изложил некоторые свои предположения о будущем науки и техники. Но я почти полностью обошел то, что составляет самое сердце науки и часто оказывается наиболее значительным по практическим последствиям, — наиболее абстрактные теоретические исследования, порождаемые неистощимой любознательностью, гибкостью и мощью человеческого разума. В первой половине XX века такими исследованиями явились создание специальной и общей теории относительности, создание квантовой механики, раскрытие строения атома и атомного ядра. Открытия такого масштаба всегда были и будут непредсказуемы. Единственное, на что я могу рискнуть, да и то с большими сомнениями, это

назвать несколько достаточно широких направлений, в которых, по моему мнению, возможны особенно важные открытия. Исследования в области теории элементарных частиц и в области космологии могут привести не только к большому конкретному прогрессу в уже существующих областях исследований, но и к формированию совершенно новых представлений о структуре пространства и времени. Большие неожиданности могут принести исследования в области физиологии и биофизики, в области регуляции жизненных функций, в медицине, в социальной кибернетике, в общей теории самоорганизации. Каждое крупное открытие окажет прямо или косвенно глубочайшее влияние на жизнь человечества.

Неизбежность прогресса

Мне кажется неизбежным продолжение и развитие основных существующих сейчас тенденций научно-технического прогресса. Я не считаю это трагичным по своим последствиям, несмотря на то, что мне не совсем чужды опасения тех мыслителей, которые придерживаются противоположной точки зрения.

Рост населения, истощение природных ресурсов — это все такие факторы, которые делают абсолютно невозможным возвращение человечества к так называемой «здоровой» жизни прошлого (на самом деле очень тяжелой, часто жестокой и безрадостной) — даже если бы человечество этого захотело и могло осуществить в условиях конкуренции и всевозможных экономических и политических трудностей. Разные стороны научно-технического прогресса — урбанизация, индустриализация, машинизация и автоматизация, применение удобрений и ядохимикатов, рост культуры и возможностей досуга, прогресс медицины, улучшение питания, снижение смертности и продление жизни — теснейшим образом между собой связаны, и нет никакой возможности «отменить» какие-то направления прогресса, не разрушая всей цивилизации в целом. Только гибель цивилизации в огне всемирной термоядерной катастрофы, от голода, эпидемий, всеобщего разрушения — может обратить вспять прогресс, но надо быть безумцем, чтобы желать такого исхода.

Сейчас в мире неблагоприятно в самом прямом, самом грубом смысле слова, голод и преждевременная

смерть непосредственно угрожают множеству людей. Поэтому сейчас первой задачей истинно человеческого прогресса является противостоять именно этим опасностям, и всякий другой подход явился бы непростительным снобизмом. При всем том я не склонен абсолютизировать одну только технико-материальную сторону прогресса. Я убежден, что «сверхзадачей» человеческих институтов, и в том числе прогресса, является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной смерти, но и сохранить в человечестве все человеческое — радость непосредственного труда умными руками и умной головой, радость взаимопомощи и доброго общения с людьми и природой, радость познания и искусства. Но я не считаю непреодолимым противоречие между этими задачами. Уже сейчас граждане более развитых, индустриализированных стран имеют больше возможностей нормальной здоровой жизни, чем их современники в более отсталых и голодающих странах. И уж во всяком случае прогресс, спасающий людей от голода и болезней, не может противоречить сохранению начала активного добра, которое есть самое человеческое в человеке.

Я верю, что человечество найдет разумное решение сложной задачи осуществления грандиозного, необходимого и неизбежного прогресса с сохранением человеческого в человеке и природного в природе.

17 мая 1974 года

МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Нобелевская лекция ¹

Глубокоуважаемые члены Нобелевского комитета!

Глубокоуважаемые дамы и господа!

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. Такова главная мысль, которую я хочу отразить в этой лекции.

Я глубоко благодарен за присуждение мне высокой, волнующей награды — Нобелевской премии Мира — и за предоставленную возможность выступить сегодня перед вами. Я с особенным удовлетворением воспринял формулировку Комитета, в которой подчеркнута роль защиты прав человека как единственного прочного основания для подлинного и долговечного международного сотрудничества. Эта мысль кажется мне очень важной. Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым — основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом, я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества. Эта точка зрения существенно отличается от широко распространенных марксистских, а также от технократических концепций, согласно которым определяющее значение имеют именно материальные факторы, социальные и экономические права. (Сказанное не означает, конечно, что я в какой-либо мере отри-

¹ Прочитана Е. Г. Боннэр в Осло 10 декабря 1975 года.

цаю значение материальных условий жизни людей.)

Все эти тезисы я собираюсь отразить в лекции и особо остановиться на некоторых конкретных проблемах нарушения прав человека, решение которых представляется мне необходимым и срочным.

В соответствии с этим планом выбрано название лекции: «Мир, прогресс, права человека». Это, конечно, сознательная параллель к названию моей статьи 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», во многом близкой по своей направленности, по содержащимся в ней предостережениям.

Имеется много признаков того, что начиная со второй половины XX века человечество вступило в особо ответственный, критический период своей истории.

Создано ракетно-термоядерное оружие, способное в принципе уничтожить все человечество,— это самая большая опасность современности. Благодаря экономическим, промышленным и научным достижениям несравненно более опасными стали также так называемые обычные виды вооружения, не говоря уже о химическом и бактериологическом оружии.

Несомненно, успехи промышленного и технологического прогресса являются главным фактором преодоления нищеты, голода и болезней; но они одновременно приводят к угрожающим изменениям в окружающей среде, к истощению ресурсов. Человечество таким образом столкнулось с грозной экологической опасностью.

Быстрые изменения традиционных форм жизни привели к неуправляемому демографическому взрыву, особенно мощному в развивающихся странах третьего мира. Рост населения создает необычайно трудные экономические, социальные и психологические проблемы уже сейчас и неотвратимо угрожает гораздо более серьезными опасностями в будущем. Во многих странах, в особенности в Азии, Африке, Латинской Америке, недостаток продовольствия продолжает оставаться постоянным фактором жизни сотен миллионов людей, обреченных с момента рождения на нищенское полуголодное существование. При этом прогнозы на будущее, несмотря на несомненные успехи «зеленой революции», являются тревожными, а по мнению многих специалистов — трагическими.

Но и в развитых странах люди сталкиваются с очень серьезными проблемами. Среди них — тяжелые послед-

ствия неумеренной урбанизации, потеря социальной и психологической устойчивости общества, непрерывная изнуряющая гонка моды и сверхпроизводства, бешеный, безумный темп жизни и ее изменений, рост числа нервных и психических заболеваний, отрыв все большего числа людей от природы и нормальной, традиционной человеческой жизни, разрушение семьи и простых человеческих радостей, упадок морально-этических устоев общества и ослабление чувства цели и осмысленности жизни. На этом фоне возникают многочисленные уродливые явления — рост преступности, алкоголизма, наркомании, терроризма и т. п. Надвигающееся истощение ресурсов Земли, угроза перенаселения, многократно углубленные международными политическими и социальными проблемами, начинают все сильнее давить на жизнь также и в развитых странах, лишая (или угрожая лишить) многих людей ставших уже привычными изобилия, удобства и комфорта.

Однако наиболее существенную, определяющую роль в проблематике современного мира играет глобальная политическая поляризация человечества, разделившая его на так называемый первый мир (условно назовем его «западный»), второй (социалистический), третий (развивающиеся страны). Два крупнейших социалистических государства фактически стали враждующими тоталитарными империями с непомерной властью единственной партии и государства над всеми сторонами жизни своих граждан и с огромным экспансионистским потенциалом, стремящимся подчинить своему влиянию обширные районы земного шара. При этом одно из этих государств — КНР — находится пока на относительно низком уровне экономического развития, а другое — СССР, — используя уникальные природные ресурсы, пройдя через десятилетия неслыханных бедствий и перенапряжения всех сил народа, достигло в настоящее время огромной военной мощи и относительно высокого (хотя и одностороннего) экономического развития. Но и в СССР уровень материальной жизни населения низок, а уровень гражданских свобод ниже даже, чем в малых социалистических странах. Очень сложные общемировые проблемы связаны также с третьим миром с его относительной экономической пассивностью, сочетающейся с растущей международной политической активностью.

Эта поляризация многократно усиливает и без того

очень серьезные опасности, нависшие над миром, — опасности термоядерной гибели, голода, отравления среды, истощения ресурсов, перенаселения, дегуманизации. Обсуждая весь этот комплекс неотложных проблем и противоречий, следует прежде всего сказать, что, по моему убеждению, любые попытки замедлить темп научно-технического прогресса, повернуть вспять урбанизацию, призывы к изоляционизму, патриархальности, к возрождению на основе обращения к здоровым национальным традициям прошлых столетий — нереалистичны. Прогресс неизбежен, его прекращение означало бы гибель цивилизации.

Еще не так давно люди не знали минеральных удобрений, машинной обработки земли, ядохимикатов, интенсивных методов земледелия. Есть голоса, призывающие вернуться к более традиционным и, возможно, более безопасным формам земледелия. Но возможно ли осуществить это в мире, где и сейчас сотни миллионов людей страдают от голода? Несомненно, наоборот, необходима дальнейшая интенсификация и распространение ее на весь мир, на все развивающиеся страны. Нельзя отказаться от все более широкого применения достижений медицины и от расширения исследований во всех ее отраслях, в том числе и в таких, как бактериология и вирусология, нейрофизиология, генетика человека и генохирургия, несмотря на потенциальные опасности злоупотребления и нежелательных социальных последствий некоторых из этих исследований. То же относится к исследованиям в области создания систем имитации интеллекта, к исследованиям в области управления массовым поведением людей, к созданию единых общемировых систем связи, систем сбора и хранения информации и т. п. Совершенно очевидно, что в руках безответственных бюрократических, действующих под покровом секретности учреждений — все эти исследования могут оказаться необыкновенно опасными, но в то же время они могут стать крайне важными и необходимыми для человечества, если их осуществлять под контролем гласности, обсуждения, научного социального анализа. Нельзя отказаться от все более широкого использования искусственных материалов, синтетической пищи, от модернизации всех сторон быта людей. Нельзя отказаться от возрастающей автоматизации и укрупнения промышленного производства, несмотря на связанные с этим социальные проблемы.

Нельзя отказаться от строительства все более мощных тепловых и атомных электростанций, от исследований в области управляемой термоядерной реакции, поскольку энергетика — одна из основ цивилизации. Я позволю себе вспомнить в этой связи, что 25 лет назад мне, вместе с моим учителем, лауреатом Нобелевской премии по физике Игорем Евгеньевичем Таммом, довелось стоять у начала исследований управляемой термоядерной реакции в нашей стране. Сейчас эти работы приобрели огромный размах, исследуются самые различные направления, от классических схем магнитной термозащиты до методов с использованием лазеров.

Нельзя отказаться от расширения работ по освоению околоземного космоса и по исследованию дальнего космоса, в том числе от попыток приема сигналов от внеземных цивилизаций, — шансы на успех таких попыток, вероятно, малы, но зато последствия успеха могут быть грандиозными.

Я назвал только некоторые примеры, их можно умножить. В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации, — прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы. Недооценка этих факторов, особенно распространенная в социалистических странах, возможно под влиянием вульгарных идеологических догм официальной философии, может привести к извращению путей прогресса или даже к его прекращению, к застою. Прогресс возможен и безопасен лишь под контролем Разума. Важнейшая проблема охраны среды — один из примеров, где особенно ясна роль гласности, открытости общества, свободы убеждений. Только частичная либерализация, наступившая в нашей стране после смерти Сталина, сделала возможными памятные всем нам публичные дискуссии первой половины шестидесятых годов по этой проблеме, но эффективное ее решение требует дальнейшего усиления общественного и международного контроля. Военные применения достижений науки, разоружение и контроль над ним — другая столь же критическая область, где международное доверие зависит от гласности и открытости общества. Упомянутый пример управления массовым поведением людей, при своей внешней экзотичности, тоже вполне актуален уже сейчас.

Свобода убеждений, наличие просвещенного общественного мнения, плюралистический характер системы образования, свобода печати и других средств информации — всего этого сильно не хватает в социалистических странах вследствие присущего им экономического, политического и идеологического монизма. Между тем эти условия жизненно необходимы не только во избежание злоупотреблений прогрессом, вольных и по неведению, но и для его поддержания. В особенности важно, что только в атмосфере интеллектуальной свободы возможна эффективная система образования и творческой преемственности поколений. Наоборот, интеллектуальная несвобода, власть унылой бюрократии, конформизм, разрушая сначала гуманитарные области знания, литературу и искусство, неизбежно приводят затем к общему интеллектуальному упадку, бюрократизации и формализации всей системы образования, к упадку научных исследований, исчезновению атмосферы творческого поиска, к застою и распаду.

Сейчас, в поляризованном мире, тоталитарные страны благодаря детанту приобрели возможность своеобразного интеллектуального паразитизма, — и похоже, если не произойдет тех внутренних сдвигов, о необходимости которых все мы думаем, скоро им придется встать на этот путь. Один из возможных результатов детанта именно таков. Если это произойдет, взрывоопасность общемировой ситуации может только возрасти. Миру жизненно необходимо всестороннее сотрудничество между странами Запада, социалистическими и развивающимися странами, включая обмен знаниями, технологией, торговлю, экономическую, в частности продовольственную, взаимопомощь. Но это сотрудничество должно происходить на основе доверия открытых обществ, как говорят, с открытой душой, на основе истинного равноправия, а не на основе страха демократических стран перед их тоталитарными соседями. Сотрудничество в этом последнем случае означало бы просто попытку задарить, задобрить жуткого соседа. Но подобная политика всегда лишь отсрочка беды, которая вскоре возвращается в другую дверь с удесятеренными силами, это попросту новый вариант мюнхенской политики. Устойчивый успех детанта возможен только если с самого начала он сопровождается непрестанной заботой об открытости всех стран, об увеличении уровня гласности, о свободном обмене информацией, о не-

пременном соблюдении во всех странах гражданских и политических прав — короче говоря, при дополнении разрядки в материальной сфере разоружения и торговли разрядкой в духовной, идеологической сфере. Об этом прекрасно сказал президент Франции Жискард д'Эстен во время своего визита в Москву. Право, стоило пережить упреки некоторых недалёковидных прагматиков из числа его соотечественников ради того, чтобы поддержать важнейший принцип!

Прежде чем перейти к обсуждению проблем разоружения, я хочу воспользоваться возможностью и еще раз напомнить некоторые свои предложения общего характера. Это прежде всего идея создания под эгидой ООН Международного консультативного комитета по вопросам разоружения, прав человека и охраны среды. Комитету, согласно моей мысли, должно быть предоставлено право получения обязательных ответов от всех правительств на его запросы и рекомендации. Такой комитет явился бы важным рабочим органом для обеспечения общемировых дискуссий и гласности по самым важным проблемам, от которых зависит будущее человечества. Я жду поддержки и обсуждения этой идеи.

Я также хочу подчеркнуть, что я считаю особенно важным более широкое использование войск ООН для купирования международных и межнациональных вооруженных конфликтов. Я очень высоко оцениваю возможную и необходимую роль ООН, считая ее одной из главных надежд человечества на лучшее будущее. Последние годы — трудные, критические для этой организации. Я писал об этом в книге «О стране и мире»; уже после ее выхода в свет заслуживающим сожаления событием было принятие Генеральной Ассамблеей (причем почти без обсуждения по существу) резолюции, объявившей сионизм формой расизма и расовой дискриминации. Все беспристрастные люди знают, что сионизм — это идеология национального возрождения еврейского народа после двух тысяч лет рассеяния и что эта идеология не направлена против других народов. Принятие подобной резолюции, по моему мнению, нанесло удар престижу ООН. Несмотря на подобные факты, часто порождаемые отсутствием чувства ответственности перед человечеством у руководителей некоторых более молодых членов ООН, я все же верю, что рано или поздно ООН сумеет играть в жизни человечества достойную роль, в соответствии с целями Устава.

Перехожу к одной из центральных проблем современности — к разоружению. Я подробно изложил свою позицию в книге «О стране и мире». Необходимо укрепление международного доверия, совершенный контроль на местах силами международных инспекционных групп. Все это невозможно без расширения разрядки на область идеологии, без увеличения открытости общества. В этой же книге я подчеркнул необходимость международных соглашений об ограничении поставок оружия другим государствам, прекращение новых разработок систем оружия по специальным соглашениям, соглашение о запрещении секретных работ, устранение факторов стратегической неустойчивости, в частности запрещение разделяющихся боеголовок.

Как же я представляю себе идеальное общемировое соглашение о разоружении в техническом плане?

Я думаю, что такому соглашению должно предшествовать официальное (не обязательно сразу открытое) заявление об объеме всех видов военного потенциала (от запасов термоядерных зарядов до прогнозов контингентов военнообязанных), с указанием *примерной условной разбивки* по районам потенциальной конфронтации. Соглашение должно предусматривать в качестве первого этапа ликвидацию преимуществ одной стороны над другой отдельно для каждого стратегического района и для каждого вида военного потенциала (конечно, это только схема, от которой неизбежны некоторые отклонения). Таким образом, будет исключено, во-первых, что соглашение в одном стратегическом районе (скажем, в Европе) будет использовано для усиления военных позиций в другом районе (скажем, на советско-китайской границе), и, во-вторых, исключены возможные несправедливости из-за трудности количественно сопоставить значимость разных видов потенциала (например, трудно сказать, скольким зенитным установкам ПРО эквивалентен один крейсер, и т. п.). Следующим этапом сокращения вооружений должно явиться пропорциональное сокращение одновременно для всех стран и всех стратегических районов. Такая формула «сбалансированного» двухэтапного сокращения вооружений обеспечит непрерывающуюся безопасность каждой страны, непрерывное равновесие сил в каждом районе потенциальной конфронтации и одновременно радикальное решение экономических и социальных проблем, порождаемых милитаризацией. На протяжении

многих десятилетий варианты подобного подхода выдвигаются многими экспертами и государственными деятелями, однако до сих пор успех очень незначителен. Но я надеюсь, что сейчас, когда человечеству реально угрожает гибель в огне термоядерных взрывов, разум людей не допустит этого исхода. Радикальное сбалансированное разоружение действительно необходимо и возможно, как часть многостороннего и сложного процесса разрешения грозных, неотложных мировых проблем. Та новая фаза межгосударственных отношений, которая получила название разрядки, или детанта, и, вероятно, имеет своим кульминационным пунктом совещание в Хельсинки, в принципе открывает определенные возможности продвижения в этом направлении.

Заключительный акт совещания в Хельсинки в особенности привлекает наше внимание тем, что в нем впервые официально отражен тот комплексный подход к решению проблем международной безопасности, который представляется единственно возможным; в акте содержатся глубокие формулировки о связи международной безопасности с защитой прав человека, свободы информации и свободы передвижения и важные обязательства стран-участниц, гарантирующие эти права. Очевидно, конечно, что речь идет не о гарантированном результате, а именно о новых возможностях, которые могут быть реализованы лишь в результате длительной планомерной работы, с единой и последовательной позицией всех стран-участниц, в особенности демократических стран.

Это относится, в частности, к проблеме прав человека, которой посвящена последняя часть лекции. В нашей стране, о которой я теперь буду говорить преимущественно, за месяцы, прошедшие после совещания в Хельсинки, вообще не произошло сколько-нибудь существенного улучшения в этом направлении; в отдельных же вопросах замечаются даже попытки сторонников жесткого курса «завинтить гайки».

Все в том же состоянии находятся важные проблемы международного информационного обмена, свободы выбора страны проживания, поездок для учения, работы, лечения, просто туризма. Чтобы конкретизировать это утверждение, я сейчас приведу некоторые примеры — не в порядке их важности и не стремясь к полноте.

Вы все знаете лучше, чем я, что дети, скажем, из Дании могут сесть на велосипеды и весело доехать до Адриатики. Никто не увидит в них «малолетних шпионов».

Но советские дети этого не могут! Вы сами можете мысленно развить этот пример (и все нижеследующие) на множество аналогичных ситуаций.

Вы знаете, что Генеральная Ассамблея под давлением социалистических стран приняла решение, ограничивающее свободу телевизионного вещания со спутников. Я думаю, что сейчас, после Хельсинки, есть все основания для его пересмотра. Для миллионов советских граждан это очень важно и интересно.

В СССР качество протезов для инвалидов крайне низкое. Но ни один советский инвалид, даже имея вызов от иностранной фирмы, не может выехать по этому вызову за границу.

В советских газетных киосках нельзя купить некоммунистические зарубежные газеты, да и коммунистические продаются далеко не каждый номер. Даже такие информационные журналы, как «Америка», крайне дефицитны и продаются в ничтожном числе киосков, расходятся же мгновенно и обычно с «нагрузкой» неходовых изданий.

Каждый, желающий эмигрировать из СССР, должен иметь вызов от близких родственников. Для многих это неразрешимая проблема, например для 300 тысяч немцев, желающих уехать в ФРГ (к тому же квота на выезд составляет для немцев всего 5 тысяч человек в год, то есть выезд распланирован на 60 лет!). За этим — огромная трагедия. Особенно трагично положение лиц, желающих соединиться с родственниками в социалистических странах, — за них некому заступиться, и произвол властей не знает пределов.

Свобода передвижения, выбора места работы и жительства продолжает нарушаться для миллионов колхозников, продолжает нарушаться для сотен тысяч крымских татар, 30 лет назад с огромными жестокостями выселенных из Крыма и до сих пор лишенных права вернуться на родную землю.

Заключительный акт совещания в Хельсинки вновь подтвердил принципы свободы убеждений. Но требуется большая и упорная борьба, чтобы эти положения акта имели не только декларативное значение. В СССР многие тысячи людей преследуются сегодня за убеждения в судебном и внесудебном порядке — за религиозные верования и желание воспитывать своих детей в религиозном духе; за чтение и распространение (часто простое ознакомление одного-двух человек) нежелательной

властям литературы, обычно абсолютно легальной по демократическим нормам, например религиозной; за попытку покинуть страну; особенно важна в моральном плане проблема преследования лиц, страдающих за защиту других жертв несправедливости, за стремление к гласности, в частности за распространение информации о судах, о преследованиях за убеждения, об условиях мест заключения.

Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале, *сотни и тысячи узников совести страдают от тяжелого многолетнего голода, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия лекарств (витамины и лекарства запрещено пересылать в места заключения), от непосильной работы, дрожат от холода, сырости и истощения в полутемных карцерах, вынуждены вести непрестанную борьбу за свое человеческое достоинство, за убеждения против машины «перевоспитания», а фактически слома их души. Особенности системы мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за ее разоблачение — это лучшее доказательство реальности обвинений в ее адрес. Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. Но что сказать о муках невинных? Самое же страшное — ад спецпсихбольниц Днепропетровска, Сычевки, Благовещенска, Казани, Черняховска, Орла, Ленинграда, Ташкента...*

Я не могу сегодня рассказывать конкретные судебные дела, конкретные судьбы. Есть большая литература (я обращаю здесь ваше внимание на издания издательства «Хроника-Пресс» в Нью-Йорке, перепечатающего, в частности, советский самиздатовский журнал «Хроника текущих событий» и издающего аналогичный информационный бюллетень). *Я просто назову здесь, в этом зале, имена некоторых известных мне узников.* Как уже вы слышали вчера, я прошу вас считать, что *все узники совести, все политзаключенные моей страны разделяют со мной честь Нобелевской премии Мира.*

Вот некоторые известные мне имена: Плющ, Буковский, Глузман, Мороз, Мария Семенова, Надежда Светличная, Стефания Шабатура, Ирина Калинец-Стасив, Ирина Сеник, Нийоле Садунайте, Анаит Карапетян, Осипов, Кронид Любарский, Шумук, Винс, Румачик,

Хаустов, Суперфин, Паулайтис, Симулис, Караванский, Валерий Марченко, Шухевич, Павленков, Черноглаз, Абанькин, Сусленский, Мешенер, Светличный, Сафронов, Роде, Шакиров, Хейфец, Афанасьев, Мо-Хун, Бутман, Лукьяненко, Огурцов, Сергиенко, Антонюк, Лупынос, Рубан, Плахотнюк, Ковгар, Белов, Игрунов, Солдатов, Мяттик, Юшкевич, Кийренд, Здоровый, Товмасян, Шахвердян, Загробян, Айриян, Маркосян, Аршакиан, Мираускас, Стус, Сверстюк, Кандыба, Убожко, Романюк, Воробьев, Гель, Пронюк, Гладко, Мальчевский, Гражис, Пришляк, Сапеляк, Калинец, Супрей, Вальдман, Демидов, Берничук, Шовковский, Горбачев, Верхов, Турик, Жукаускас, Сенькив, Гринькив, Навасардян, Саартс, Юрий Вудка, Пуце, Давыдов, Болонкин, Лисовой, Петров, Чекалин, Городецкий, Черновол, Балахоннов, Бондарь, Калининченко, Коломин, Плумпа, Ягюлис, Федосеев, Осадчий, Будулак-Шарыгин, Макаренко, Малкин, Штерн, Лазарь Любарский, Фельдман, Ройтбурт, Школьник, Мурженко, Федоров, Дымшиц, Кузнецов, Менделевич, Альтман, Пэнсон, Хнох, Вульф Залмансон, Израиль Залмансон и многие, многие другие. В несправедливой ссылке — Анатолий Марченко, Нашпиц, Цитленок. Ожидают суда — Мустафа Джемилев, Ковалев, Твердохлебов. Я не мог назвать всех известных мне узников за неимением места, еще больше я не знаю или не имею под рукой справки. Но я всех подразумеваю мысленно, и всех не названных явно прошу извинить меня. За каждым названным и не названным именем — трудная и героическая судьба, годы страданий, годы борьбы за человеческое достоинство.

Кардинальное решение проблемы преследования за убеждения — освобождение на основе международного соглашения, возможно — решения Генеральной Ассамблеи ООН, всех политзаключенных, всех узников совести в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах. В этом предложении нет никакого вмешательства во внутренние дела какой-либо страны, — ведь оно в равной мере распространяется на все страны, на СССР, Индонезию, Чили, ЮАР, Испанию, Бразилию, на все другие страны, и потому, что защита прав человека провозглашена Всеобщей декларацией ООН международным, а не внутренним делом. Ради этой великой цели нельзя жалеть сил, как бы ни был долг путь, — а что он долг, это мы видели во время последней сессии ООН. США на этой сессии внесли предложение о политиче-

ской амнистии, но затем сняли его после попытки ряда стран чересчур (по мнению делегации США) расширить рамки амнистии. Я сожалею о происшедшем. Но снять проблему нельзя. И я глубоко убежден, что лучше освободить некоторое число людей, в чем-то виновных, чем держать в заключении и истязать тысячи невинных.

Не отказываясь от кардинального решения, сегодня мы должны бороться за каждого человека в отдельности, против каждого случая несправедливости, нарушения прав человека — от этого зависит слишком многое в нашем будущем. Стремясь к защите прав людей, мы должны выступать, по моему убеждению, в первую очередь как защитники невинных жертв существующих в разных странах режимов, без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов. Нужны реформы, а не революции. Нужно гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем. Что это — разрядка? конвергенция? — дело не в словах, а в нашей решимости создать лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок.

Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость, и в этой борьбе было важно не только умение владеть дубинкой, но и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более «удачные», чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. *Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели.*

1 декабря 1975 года

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА МОСКОВСКОМ ФОРУМЕ «ЗА БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР, ЗА ВЫЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

1

Я согласился принять участие в состоявшемся 14—16 февраля в Москве форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» и выступал на трех заседаниях. Мое решение привлекло большое внимание, некоторые одобряли его, некоторые осуждали, многие характеризовали как сенсационное. Но для меня оно было самоочевидным.

Мои взгляды сформировались в годы участия в работе над ядерным оружием; в активных действиях против испытаний этого оружия в атмосфере, воде и космосе; в общественной и публицистической деятельности, участии в правозащитном движении и в горьковской изоляции. Основы позиции отражены в статье 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», но изменяющаяся жизнь требовала ответных изменений конкретного ее воплощения. В особенности это относится к последним переменам во внутренней жизни и внешней политике СССР. Главными и постоянными составляющими (ingredients) в моей позиции являются: мысль о неразрывной связи сохранения мира с открытостью общества, с соблюдением прав человека так, как они сформулированы во Всеобщей декларации прав человека ООН; убеждение, что только конвергенция социалистической и капиталистической систем — кардинальное, окончательное решение проблемы мира и сохранения человечества.

Я понимал, что участие в форуме неизбежно будет в той или иной степени использовано для чисто пропагандистских целей. Но я исходил из того, что положительное значение публичного выступления после того, как многие годы мой рот был полностью зажат, — гораздо существенней.

Мысли, высказанные мной, отличаются во многом от официальной советской позиции, во многом же совпадают с ней. В обоих случаях это мои мысли, мои убеждения. На форуме советские участники академик Велихов и заместитель директора Института США и Канады Кокошин выступили с развернутыми возражениями против некоторых из моих утверждений. Я считаю это показателем важности и нетривиальности моих высказываний.

Первое выступление состоялось на заседании, посвященном сокращению стратегических вооружений, второе — на заседании по противоракетной обороне и программе СОИ, третье — на заседании по проблеме запрещения подземных испытаний. Особенное значение я придаю второму выступлению, в котором высказываюсь за отмену принципа пакета, то есть за отказ СССР от жесткой обусловленности соглашений по сокращению термоядерного оружия заключением соглашения по СОИ, а также соображениям по безопасности ядерной энергетики в третьем выступлении. Я бы хотел широкой общественной дискуссии по этим вопросам.

В материалах о форуме, опубликованных советской прессой, сообщается о моем участии, но указанные основные тезисы не упоминаются. Вот что напечатано в «Правде»: «Академик А. Д. Сахаров отметил несостоятельность позиции сторонников СОИ. Он также отметил, что неправильным является утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ мешает переговорам. Ученый предложил также свой вариант решения вопроса о пятидесятипроцентных сокращениях ядерных вооружений». В сообщениях западных радиостанций, которые мне довелось услышать в эти дни, моя точка зрения излагалась также неточно и неполно. Это только подтвердило ранее принятое мной решение опубликовать полные тексты моих выступлений на форуме.

18 февраля 1987 года

2

У меня есть соображения технического характера о сокращении стратегических вооружений. Я выскажу их в конце выступления. Но прежде я хочу остановиться на некоторых общих вопросах.

Как гражданин СССР, я в особенности обращаюсь со своими призывами к руководству нашей страны, наряду с другими великими державами несущей особую ответственность за положение в мире.

Международная безопасность и реальное разоружение невозможны без большего доверия между странами Запада и СССР, другими социалистическими странами.

Необходимо разрешение региональных конфликтов на основе компромисса, восстановление стабильности всюду в мире, где она нарушена; прекращение поддержки дестабилизирующих и экстремистских сил, всех террористических группировок; не должно быть попыток расширения зоны влияния одной стороны за счет другой; необходима совместная работа всех стран для решения экономических, социальных и экологических проблем. Необходима большая открытость и демократизация нашего общества — свобода распространения и получения информации, безусловное и полное освобождение узников совести, реальная свобода выбора страны проживания и поездок, свобода выбора места проживания внутри страны; реальный контроль граждан над формированием внутренней и внешней политики.

Несмотря на происходящие в стране прогрессивные процессы демократизации и расширения гласности, положение остается противоречивым и неопределенным, а в чем-то наблюдается попятное движение (например, в законодательстве о свободе эмиграции и поездок). Без решения политических и гуманитарных проблем прогресс в области разоружения и международной безопасности будет крайне затруднен или вовсе невозможен.

Но есть и обратная зависимость — демократизация и либерализация в СССР и тесно связанный с ними экономический и социальный прогресс будут затруднены без ослабления прессы гонки вооружений. Горбачев и его сторонники, ведущие трудную борьбу против косных, догматических и своекорыстных сил, заинтересованы в разоружении, в том, чтобы гигантские материальные и интеллектуальные ресурсы не отвлекались на вооружение и перевооружение на новом технологическом уровне. Но в успехе преобразований в СССР заинтересован и Запад, весь мир. Экономически сильный, демократизированный и открытый Советский Союз явится важнейшим гарантом международной стабильности, хорошим и надежным партнером для других стран

в совместном решении глобальных проблем. И наоборот. Если на Западе возобладает политика изматывания СССР при помощи гонки вооружений — ход мировых событий будет крайне мрачным. Загнанный в угол противник всегда опасен. Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном. Но процесс демократизации и либерализации прекратится, научно-техническая революция будет иметь одностороннюю военно-промышленную направленность, во внешней политике, как можно опасаться, получат преобладание экспансионистские тенденции, блокирование с деструктивными силами.

Теперь о более специальных вопросах ограничения стратегических вооружений. В Рейкьявике обсуждалась схема одновременного пятидесятипроцентного сокращения всех видов стратегического оружия США и СССР, с сохранением тем самым для каждой стороны сложившихся пропорций различных видов вооружений (я опираюсь на имеющиеся публикации; возможно, что какие-то детали мне неизвестны). «Пропорциональная» схема наиболее проста, и вполне оправданно, что движение началось с нее. Но она не оптимальна, так как не решает проблемы стратегической стабильности.

Большая часть ракетно-термоядерного потенциала СССР — мощные шахтные ракеты с разделяющимися боеголовками. Такие ракеты уязвимы по отношению к предупредительному удару современных высокоточных ракет потенциального противника. Принципиально важно, что одна ракета противника с разделяющимися боеголовками уничтожает несколько шахтных ракет. То есть уничтожение всех шахтных ракет при примерном равенстве сторон (СССР и США) возможно с использованием противником лишь части его ракет. Стратегическое значение первого удара колоссально возрастает. Страна, опирающаяся в основном на шахтные ракеты, может оказаться *вынужденной* в критической ситуации к нанесению первого удара. Это объективная военно-стратегическая реальность, которую не может не учитывать противоположная сторона. Я хочу подчеркнуть, что такое положение никем не планировалось при развертывании шахтных ракет в шестидесятых и семидесятых годах. Оно возникло в результате разработки и принятия на вооружение разделяющихся боеголовок и по-

вышения точности стрельбы. Но сегодня шахтные ракеты, вообще любые ракеты с уязвимыми стартовыми позициями, являются важнейшим фактором военно-стратегической нестабильности. Поэтому я считаю чрезвычайно важным при сокращении ракетно-стратегических вооружений принять принцип преимущественного сокращения ракет с уязвимыми стартовыми позициями, то есть тех ракет, которые принципиально являются оружием первого удара. Особенно важно преимущественное сокращение советских шахтных ракет, так как они составляют основу советских ракетно-термоядерных сил, а также американских ракет МХ. Возможно, целесообразно часть советских шахтных ракет одновременно с общим сокращением заменить на менее уязвимые ракеты эквивалентной ударной силы (ракеты с подвижным замаскированным стартом, крылатые ракеты различного базирования, ракеты на подводных лодках и т. д.). Для американских ракет МХ проблема замены, как я думаю, не стоит, так как они составляют менее существенную часть в общем балансе и их можно безболезненно уничтожить в процессе двустороннего сокращения.

Выработка соглашения о непропорциональном сокращении более сложна для экспертов и дипломатов, чем подписание соглашения о пропорциональном сокращении. Но я убежден, что это крайне желательно. Дополнительные расходы на перевооружение советских стратегических сил представляются мне вполне оправданными. Они будут тем меньше, чем глубже будет одновременное общее сокращение стратегических сил.

Перехожу к этому последнему вопросу, уже обсуждавшемуся сегодня. Определение порога сокращения стратегических сил из условия сохранения стратегической стабильности — задача очень трудная, включающая множество неизвестных и даже не определенных корректно факторов. Приведу два соображения, иллюстрирующие эти трудности.

При расчете наносимого ущерба можно исходить из различных сценариев войны. В частности, можно производить оценку для случая первого удара или удара возмездия. Эти оценки могут существенно отличаться. Как мне кажется, страна, идущая на опасное обострение, при этом может принять одновременно решение о первом ударе; в этом случае она оценивает свои возможные потери по более низкому уровню удара возмездия.

Гораздо более сложен вопрос о предельно допустимом ущербе. То есть — какой максимальный ущерб для населения своей страны, для ее экономического и военного потенциала может допустить решаемое на ядерное обострение правительство в качестве платы за победу. Предполагается, что речь идет об уровнях стратегического ядерного вооружения, при которых нет взаимного гарантированного уничтожения. Этот вопрос нельзя решать исходя из психологии мирного времени. Я вспоминаю о решениях, принимавшихся в острых ситуациях руководителями недавнего прошлого, — а ведь ситуация, о которой идет речь, вообще не имеет прецедента. Поэтому я бы затруднился сегодня назвать конкретный уровень. Он может быть близок или равен уровню гарантированного взаимного уничтожения! Вернуться к этому вопросу целесообразно после осуществления пятидесятипроцентного сокращения.

Безъядерный мир — желанная цель. Он возможен только в будущем, в результате многих радикальных изменений в мире. Условиями мирного развития сейчас и в будущем являются: разрешение региональных конфликтов; равновесие обычных вооружений; либерализация и демократизация, большая открытость советского общества, соблюдение гражданских и политических прав человека; компромиссное решение проблемы противоракетной обороны без объединения ее в пакете с другими вопросами стратегического оружия. Эту последнюю тему я надеюсь обсудить завтра.

Кардинальным, окончательным решением проблемы международной безопасности является конвергенция, сближение мировых систем социализма и капитализма.

14 февраля 1987 года

3

В Рейкьявике наметилась возможность достигнуть соглашения по ряду важнейших проблем разоружения. Но переговоры наткнулись на проблему СОИ. Точнее:

1) на нежелание Рейгана — или невозможность этого для него — заключить компромиссное соглашение по СОИ, предусматривающее мораторий на развертывание в космосе элементов ПРО (непременный элемент соглашения) и определенные ограничения на испытания элементов СОИ с выводом в космос и с использованием подземных ядерных взрывов. В наибо-

лее приемлемо для СССР варианте соглашение должно предусматривать ограничение работ по СОИ только лабораторными исследованиями. По-видимому, предлагаемое советской стороной компромиссное соглашение оказалось неприемлемым для американской стороны, так как оно лишало ее перспективы свободной работы по СОИ;

2) при такой позиции Рейгана (которую можно было предвидеть) решающее значение приобрел принятый советской стороной принцип пакета, согласно которому заключение соглашения по СОИ является необходимым условием заключения других соглашений по разоружению, в особенности соглашения о сокращении числа баллистических межконтинентальных ракет с термоядерными зарядами.

Возникла тупиковая ситуация. Я считаю, что принцип пакета может и должен быть пересмотрен.

Соглашения о разоружении, в частности о значительном сокращении баллистических межконтинентальных ракет и о ракетах средней дальности и поля боя, должны быть заключены как можно скорее независимо от СОИ в соответствии с линиями договоренности, наметившимися в Рейкьявике.

Компромиссное соглашение по СОИ может быть, по моему мнению, заключено во вторую очередь. Таким образом опасный тупик в переговорах был бы преодолен.

Я постараюсь проанализировать соображения, приведшие к принципу пакета, и показать их несостоятельность. Я также попытаюсь показать несостоятельность доводов сторонников СОИ. Начну с последнего.

Я убежден, что система СОИ неэффективна для той цели, для которой она, по утверждению ее сторонников, предназначена.

Объекты ПРО, размещенные в космосе, могут быть выведены из строя еще на неядерной стадии войны, и особенно в момент перехода к ядерной стадии, с помощью противоспутникового оружия, космических мин и других средств. Также будут разрушены многие ключевые объекты ПРО наземного базирования. Использование твердотопливных баллистических ракет и ракет с облегченной головной частью, имеющих уменьшенное время прохождения активного участка, требует непомерного увеличения числа космических станций СОИ. Системы ПРО обладают особенно малой

эффективностью в отношении крылатых ракет и ракет, запускаемых с близкого расстояния. Результативным способом преодоления любой системы ПРО, в том числе СОИ, является простое увеличение числа ложных и боевых головок, использование помех и различных способов маскировки. Все это и многое другое заставляет считать СОИ своего рода «космической линией Мажино» — дорогой и неэффективной. Противники СОИ утверждают, что СОИ, будучи неэффективной в качестве оборонительного оружия, является щитом, под прикрытием которого наносится первый удар, так как может быть эффективной для отражения ослабленного удара возмездия. Мне это кажется неправильным. Во-первых, удар возмездия необязательно будет сильно ослаблен. Во-вторых, почти все соображения о неэффективности СОИ относятся и к удару возмездия.

Тем не менее в настоящее время ни одна из сторон, по-видимому, не может отказаться от поисковых работ в области СОИ, поскольку нельзя исключить возможности неожиданных успехов и — что существеннее и реальнее — поскольку концентрация сил на новейшей технологии может принести важные побочные результаты в мирной и военной областях, например в области компьютерной науки. Я все же считаю все эти соображения и возможности второстепенными в масштабе огромной, непомерной стоимости работ по СОИ и при сопоставлении с негативным влиянием СОИ на военно-стратегическую стабильность и на переговоры о разоружении. Сторонники СОИ в США, возможно, рассчитывают с помощью усиления гонки вооружений, связанной с СОИ, экономически измотать и развалить СССР. Я уже говорил вчера, что подобная политика неэффективна и крайне опасна для международной стабильности. В случае СОИ «асимметричный» ответ (то есть преимущественное развитие сил нападения и средств уничтожения СОИ) делает такие расчеты особенно беспочвенными. Неправильно также утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ, наоборот, затрудняет эти переговоры.

Перейду к центральному вопросу — о принципе пакета. В защиту принципа пакета приводится такой, на первый взгляд очень серьезный, аргумент. Представим себе, что СССР отказался от пакета, произошло существенное сокращение стратегических ракет с

термоядерными зарядами, а США сохранили свободу рук в развертывании СОИ и в некоторый момент начинают выводить в космос объекты СОИ, например в варианте, предложенном Уайнбергером. Этот проект предусматривает создание в космосе за несколько лет сети станций, на каждой из которых находится несколько десятков противоракет для поражения советских МБР на активном участке траектории. Кроме того, создается сеть станций наблюдения и управления огнем. Возникает опасность, что такая система, которая была бы неэффективна против первоначального количества советских ракет, после их сокращения окажется уже достаточно действенной, и СССР фактически станет безоружным. Кроме того, на сотнях станций можно будет спрятать ядерные ракеты типа «космос — земля», лазерное оружие «космос — земля» для создания пожаров. Начну с последнего опасения. Оружие «космос — земля» не кажется мне очень перспективным. Ракеты, размещенные на космических станциях, будут иметь гораздо более легкую боеголовку, чем баллистические ракеты, «за те же деньги». Станции и спускаемые с них аппараты очень уязвимы. Лазеры для поджога на расстоянии в 100 и более километров непомерно мощные и вряд ли очень эффективны.

Главный аргумент защитников принципа пакета — возможная эффективность СОИ против сокращенных сил МБР СССР. Я считаю, что с большой долей вероятности США просто не решатся на развертывание СОИ в условиях сокращения вооружений, учитывая крайне отрицательные последствия этого шага в политическом, экономическом и военно-стратегическом смысле, для стабильности положения в мире. Как полагают видные политические деятели США, «Конгресс этого не допустит». Если начнется разоружение, программа СОИ в США потеряет свою популярность. Но если все же в США возобладают силы, настаивающие на развертывании СОИ в космосе, СССР не окажется в безвыходном положении. Он прекратит сокращение своих стратегических сил и начнет ускоренное строительство мобильных стратегических ракет и крылатых ракет, которые таким образом заменят уязвимые шахтные ракеты. Как я говорил вчера, такая замена крайне желательна по независимым соображениям. Одновременно СССР начнет ускоренное развитие противоспутникового оружия и космических мин, что даст ему возможность уничто-

жить или парализовать американскую систему СОИ. Особенно легко уничтожить сравнительно немногочисленные станции наблюдения. Расходы СССР в этом случае возрастут, но не превзойдут приемлемые пределы. Они, вероятно, будут близки к тем, которые требуются от СССР при сохранении принципа пакета и существующего уровня гонки вооружений. Конечно, второй путь развития событий менее благоприятен для СССР, чем первый. Но он менее благоприятен и для США и для всего мира. Поэтому можно надеяться, что США не решатся на развертывание СОИ и ограничатся поисковыми работами, которые при отсутствии запрещения получат полное развитие и, может, даже принесут плоды в мирной области.

Итак, альтернатива такова. Или сохранение принципа пакета и продолжение гонки вооружений на существующем и возрастающем уровне и неизбежное развертывание СОИ. Или отказ от принципа пакета; это дает выход из тупика, возникшего в Рейкьявике. Правда, в худшем случае (вероятность которого, по моему, невелика) новый виток гонки вооружений, с заменой у СССР шахтных ракет на мобильные. В целом военностратегическое положение СССР и стабильность положения в мире даже в худшем случае, по моему мнению, не будут отличаться от положения при сохранении пакета, а политическое положение будет много лучше.

Я всецело за отмену принципа пакета.

15 февраля 1987 года

4

О проблеме ядерных испытаний. Я утверждаю, что боеспособность многих новых вариантов ядерного (как атомного, так и термоядерного) оружия может быть надежно установлена без проведения ядерных испытаний. Исключение, быть может, составят виды оружия, основанные на новых физических и конструктивных принципах, если таковые будут выдвинуты. Однако уже известные физико-конструктивные принципы вполне достаточны для эффективного решения всех военных задач ядерного оружия. Не требует, в частности, новых ядерных испытаний проверка вариантов, отличающихся от ранее испытанных габаритами, весом, компоновкой и другими чисто конструктивными параметрами. Тем

более не требует ядерных испытаний проверка надежности оружия при его длительном хранении, а также проверка устойчивости оружия по отношению к механическим, тепловым и радиационным воздействиям, которые могут иметь место при боевом применении.

Условно можно выделить в каждом ядерном заряде «сектора» (не следует придавать этому слову геометрического или конструктивного смысла) — электро-технический, баллистический, атомный и (для термоядерного заряда) термоядерный сектор.

Надежность первых трех секторов может быть подтверждена лабораторными испытаниями, дополненными «индикаторным» взрывным испытанием (то есть испытанием, при котором в результате маломощной реакции деления или ядерного синтеза образуется малое количество нейтронов, достаточное для регистрации расположенным вблизи испытываемого заряда счетчиком).

Четвертый (термоядерный) сектор не требует в большинстве случаев испытаний, так как его надежность может быть установлена *по аналогии* с ранее испытанными зарядами, основанными на тех же физико-конструктивных принципах. При этом также очень полезны расчеты процесса термоядерного взрыва на ЭВМ (вполне надежны расчеты процессов, обладающих сферической симметрией или симметрией наличия оси вращения; надежность и точность расчетных методик устанавливается применением их к ранее испытанным зарядам, основанным на тех же принципах).

В силу сказанного продолжение или прекращение ядерных испытаний не имеет принципиального критического значения для проблемы сдерживания гонки ядерных вооружений. Вопрос о ядерных испытаниях, по моему мнению, имеет второстепенное, вторичное значение по отношению к другим военно-техническим, политическим и дипломатическим аспектам предупреждения термоядерной катастрофы.

Важно, что подземные испытания при достаточной глубине залегания взрывной камеры и соблюдении других мер безопасности не наносят никакого экологического ущерба ни в стране, производящей испытания, ни тем более за ее пределами.

Пока существует и не запрещено ядерное оружие, решение о его подземных испытаниях является внутренним суверенным делом каждой из ядерных держав.

Я считаю, что исключение вопроса о полном запрещении ядерных испытаний из числа первоочередных облегчит и упростит переговоры о более актуальных и неотложных проблемах разоружения.

Я намеренно не касался пропагандистских и психологических аспектов проблемы. Ядерное оружие разделяет человечество, угрожает ему. Но есть мирное использование ядерной энергии, которое должно способствовать объединению человечества. Разрешите мне сказать несколько слов по этой теме, связанной с основной целью форума.

В эти дни в выступлениях участников много раз упоминалась катастрофа в Чернобыле, явившаяся примером трагического взаимодействия техники и человеческих ошибок.

Нельзя тем не менее переносить на мирное использование ядерной энергии то неприятие, которое люди вправе иметь к ее военным применениям. Человечество не может обойтись без ядерной энергетики. Мы обязаны поэтому найти такое решение проблемы безопасности, которое полностью исключило бы возможность повторения чего-либо подобного Чернобыльской катастрофе в результате ошибок, нарушения инструкций, конструктивных дефектов и технических неполадок.

Такое кардинальное решение — размещение ядерных реакторов под землей на глубине, исключающей выделение радиоактивных продуктов в атмосферу при любой мыслимой аварии. При этом будет также обеспечена ядерная безопасность в случае войны, ведущейся без использования ядерного оружия. Особенно существенно иметь полную безопасность для теплофикационных станций, располагаемых вблизи больших городов. Идея подземного размещения ядерных реакторов не нова, против нее выдвигаются соображения экономического характера. На самом деле с использованием современной землеройной техники цена будет, как я убежден, приемлемой. Жалеть же деньги на предотвращение радиационных катастроф нельзя. Я считаю, что мировая общественность, обеспокоенная возможными последствиями мирного использования ядерной энергии, должна сосредоточить свои усилия не на попытках вовсе запретить ядерную энергетику, а на требовании обеспечить ее полную безопасность.

15 февраля 1987 года

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Наше общество оказалось (не «вдруг», конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным. Симптомы болезни — последняя стадия которой получила название «эпоха застоя» — известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной, глубинной ясности еще далеко).

В первую очередь это отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике (за исключением периода нэпа), в идеологии. С этим тесно связана бюрократизация всей жизни страны. Все нити управления концентрируются в руках людей, обладающих властью в силу должности в государственно-хозяйственном или партийном аппарате и образующих особый социальный «бюрократический» слой. Бюрократия — необходимая часть современного общества, организованного общества вообще. Всюду с ее функционированием, часто весьма полезным, бывают также в той или иной мере связаны некоторые негативные явления — административно-командная структура управления с механическим подчинением средних звеньев вышестоящим инстанциям и пренебрежением демократическим контролем снизу, иногда вопреки интересам дела, элитарность, потеря гибкости. Но в «антиплюралистических» условиях нашей страны эти явления приобрели качественно иной, самодовлеющий характер.

Возникла новая общественная сила, олицетворением которой надолго стал Сталин. Это не значит, однако, что у бюрократии при Сталине была легкая жизнь. Фактически в тот период сформировалась единоличная диктатура, усугубленная жестокостью и другими общеизвестными качествами Сталина. Но «мандат» на власть он получил от бюрократии, правда, не только от нее.

Новая сила показала свои «зубы», ликвидировав нэп. Можно предполагать, что именно нэп мог бы явиться базисом плюралистического развития нашего общества в сочетании с добровольным (то есть частич-

ным!) производственным кооперированием в деревне и рациональным строительством государственной промышленности на здоровой экономической основе. Но именно это было бы неприемлемо для «новой бюрократии».

Что было потом — известно. Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня. Потом «великий террор», охвативший не только старую революционную гвардию и военачальников, но и все живые силы общества, с трагическим апогеем в 1937 году. Потом многое другое...

Предпринятая Хрущевым и его помощниками попытка реформ так же, как экономическая реформа шестидесятых годов, встретила сопротивление «номенклатуры» и оказалась (особенно последняя) почти бесплодной. Эти неудачи в значительной степени предопределили психологический климат последующих десятилетий. Еще одна попытка «перестройки» в пределах соцлагеря была подавлена танками в 1968 году.

И все же после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более «цивилизованной», с лицом если и не совсем человеческим, то, во всяком случае, не тигриным. Более того, в каком-то смысле эта эпоха была психологически комфортной для некоторой части населения. И в то же время она действительно была эпохой застоя, страна все более и более заходила в тупик!

В этот период возможности экстенсивного развития хозяйства уже исчерпали себя, а к интенсивному развитию система оказалась неспособной. Технический прогресс не выгоден хозяйственникам, действующим в рамках административно-бюрократической структуры, новинки не внедряются и даже не разрабатываются (так как бюрократизация захватывает и сферу науки). Большая часть научно-технических идей приходит с Запада, при этом часто с опозданием на годы и десятилетия. Фактически страна все больше выпадает из общемировой научно-технической революции, становится ее «паразитом». Эффективность вложений в народное хозяйство катастрофически падает. В строительстве преобладает «долгострой». Общий итог всего

этого мы находим в недавнем заявлении М. С. Горбачева — уже четыре пятилетки нет абсолютного прироста национального дохода, а в восьмидесятые годы наблюдалось даже его снижение. Сельское хозяйство страны находится в состоянии перманентного кризиса, в результате — низкое качество питания населения, скудность ассортимента продовольственных магазинов, необходимость закупок зерна и других продуктов сельского хозяйства за границей. Бюрократия при этом с особой силой противостоит всем инициативам, направленным на усиление самостоятельности низших звеньев хозяйственного механизма и реальной материальной заинтересованности людей в конечном результате их труда. Так был уничтожен Худенко, один из предтеч перестройки; как известно, он был обвинен в нарушении финансовой дисциплины и погиб в лагере.

Другая сторона эпохи власти бюрократии, тесно связанная с экономическими уродствами, не менее трагическая — нравственная деградация общества. В прессе, радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Особенно тяжело эта давящая психологическая обстановка сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее.

Бюрократия далеко не бескорыстна. Прикрываясь демагогической фразеологией, она попирает социальную справедливость во всех сферах материальной жизни — таких, как проблема жилья, качество здравоохранения (большая часть населения, в частности, лишена возможности приобретения современных лекарств), качество образования и др. Зарплата значительной части трудящихся искусственно занижена, что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода. Особенно занижена зарплата в наиболее массовых интеллигентных профессиях. Постыдно малы пенсии у подавляющей массы пенсионеров. Одновременно существуют элитарные группы населения, обладающие огромными социально несправедливыми привилегиями.

Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития различных форм коррупции; возникают чисто мафиозные группы, сращенные с местным партийным и государственным

аппаратом, от которого, как правило, нити тянутся вверх. Классический пример — узбекистанская мафия с ее многомиллиардными хищениями и приписками к производству хлопка, систематическим взяточничеством, эксплуатацией уборщиков хлопка (при этом тысячи людей, особенно детей, стали жертвами бесконтрольного массового применения дефолиантов и других химикатов), с жесточайшими расправами над недовольными в подземных личных тюрьмах и психушках.

В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны. В последние десятилетия размах этой рабовладельческой экономики существенно уменьшился, но все же, по-видимому, от одного до двух миллионов людей находится в лагерях и на так называемой «химии». Режим в местах заключения и сейчас очень тяжел, не соответствует современным стандартам и требованиям гуманности. Заключенные страдают от непосильного труда, плохого питания, от ограничения свиданий (разрешенных очень редко и только с родными), от произвола начальства. Сроки заключения непомерно велики. Лагерь и тюрьмы сейчас в отличие от сталинских времен пополняются в основном людьми, осужденными за уголовные преступления. Однако наша судебная и следственная система очень несовершенна (в последние годы гласности данные об этом проникли на страницы прессы). Нравственный и юридический уровень судей часто низок, они зависят от местного начальства, приговоры часто не мотивированы, повторяют выводы предвзятого следствия, иногда основанного на вынужденных избиениях признаниях обвиняемых. При этом наиболее опасные преступники оказывались безнаказанными, а некоторые занимали высокие посты; сращенными с этой мафией оказывались в ряде случаев и милиция, МВД, прокуратура и суды.

Лагерный мир... Это дно нашего общества. Его ужас, серая беспросветность отражают в себе всю глу-

бину социальной трагичности и нравственной ущербности нашей жизни, так же как быт и трагедия детских домов и детских колоний, о которых теперь стала писать наша пресса и показывать телевидение. Эти две стороны жизни тесно соприкасаются. Часто приходится слышать, что среди заключенных непомерно много воспитанников детских домов, слышать о жестоких приговорах им. Казалось бы, к этим обездоленным людям надо относиться особенно снисходительно. Но часто бывает наоборот. Очень часты также несправедливые и жестокие приговоры бывшим заключенным. В семидесятых годах я получал сотни писем, в которых нашли отражение все эти темы (а также в особенности тема эмиграции). Помочь кому-либо было не в моих силах.

Что касается КГБ, то в семидесятые—восьмидесятые годы очень характерно новое усиление этой организации, после некоторой потери влияния в пятидесятые—шестидесятые годы. При этом роль КГБ оказывается неоднозначной. С одной стороны — безжалостные репрессии против инакомыслящих. Как известно, в конце шестидесятых годов (или несколько ранее) в нашей стране возникли относительно немногочисленные, но принципиально важные общественные движения, психологически и морально подготавливающие необходимую плюралистическую эволюцию общества. В особенности мне близки те, кто решился на активные действия в защиту гласности и принципов прав человека. Среди них — издатели знаменитого информационного сборника «Хроника текущих событий». Этот машинописный самиздатовский сборник с огромными жертвами и самоотверженностью издавался (с небольшим перерывом) более тринадцати лет. Он информировал советскую и мировую общественность о несправедливых судах, психиатрических репрессиях, условиях в местах заключения, о наболевших проблемах эмиграции, религиозной и национальной жизни. Другие группы инакомыслящих связаны с теми или иными частными проблемами, в том числе с некоторыми из перечисленных.

Инакомыслящие в семидесятые—восьмидесятые годы жестоко преследовались, многие из них долгие годы провели в тюрьмах, лагерях и в психиатрических больницах. Многие погибли в заключении, среди них Юрий Куку, замечательный украинский поэт Василь Стус, учитель Алекса Тихий, рабочий и писатель Ана-

толий Марченко. Особо жестокой и социально опасной являлась практика использования в политических целях психиатрии (эта опасность не уменьшается тем, что большей частью жертвами психиатрических репрессий становятся люди, нуждающиеся в доброй помощи психиатра, и лишь изредка — вполне здоровые, как, например, недавно умерший за рубежом один из выдающихся людей нашего времени генерал Петр Григорьевич Григоренко). Справедливости ради надо сказать, что масштаб политических репрессий в годы застоя был несравнимо меньше сталинского.

Существовали ли связи КГБ с возникшим в шестидесятые—семидесятые годы «террористическим интернационалом», другими деструктивными акциями? Это важный вопрос, требующий детального непредвзятого изучения в обстановке гласности (подобно тому, как аналогичное изучение было проведено в США в отношении ЦРУ). Я уверен, что высшие интересы страны требуют полной правды о прошлом и настоящем, какой бы она ни была трудной. В нашей жизни не должно быть недоступных свету уголков. Это гораздо важнее, чем так называемые соображения «государственной безопасности», специфика секретных служб и т. п. (конечно, «открывать» резидентов я не призываю!).

С другой стороны, именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии. Эта двойственность отразилась в личной судьбе и позиции руководителя КГБ Ю. В. Андропова. Став во главе государства, он продолжил борьбу с коррупцией и преступностью, но не сделал никаких других шагов в преодолении негативных явлений эпохи застоя.

Особо необходимо сказать о международной политике последних десятилетий. В ней тоже проявились черты застоя, недостаток гибкости, отсутствие принципиально нового подхода к беспрецедентным проблемам современности. В некоторых регионах политика СССР объективно оказалась направленной на поддержку деструктивных сил (в частности, на Ближнем Востоке, где, конечно, необходим компромисс и готовность к уступкам как со стороны Израиля, так и со стороны палестинцев и арабских государств). Политика в области вооружения и разоружения не была достаточно гибкой и рациональной. Установка в семидесятых—восьмидесятых годах ракет средней дальности в Евро-

пе — один из примеров. Доверие к СССР, а значит, международная безопасность непрерывно падали. Шумные, часто инспирированные акции «борьбы за мир» тут ничего не меняли.

Особенно большое, трагическое значение имели действия СССР в отношении Афганистана. Ввод войск вызвал острую реакцию национального сопротивления, СССР ответил жестокой многолетней войной, принесшей огромные страдания и жертвы всему афганскому народу. Число афганцев, погибших в результате «войны кишлаков», превышает 600 тысяч и, вероятно, близко к 1 млн. человек, в стране голод и эпидемии, число беженцев больше 4 млн. человек, то есть около одной четверти населения страны. Погибло и искалечено много советских солдат. Участие в несправедливой войне имеет для СССР пагубные психологические и социальные последствия.

События в Афганистане стали главным источником международной напряженности и недоверия в большом регионе, угрозой миру во всем мире.

Афганская авантюра как бы воплотила в себе всю опасность и иррациональность закрытого тоталитарного общества.

Такова общая картина тупика, застоя, как она вырисовалась к середине восьмидесятых годов. К счастью, в СССР нашлись здоровые силы, осознавшие, что дальше так продолжаться не может. Лозунги перестройки, ее идеология известны. Это экономическая реформа, гласность, демократизация, в особенности новые принципы выдвижения руководителей, социальная справедливость, новое политическое мышление, провозглашающее приоритет общечеловеческих целей выживания и общемирового развития над всеми государственными, классовыми, национальными, ведомственными и частными интересами.

Реальна ли программа перестройки? Этот вопрос волнует сейчас всех.

Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера. Народ проходил на протяжении десятилетий развращающую «антишколу», приучавшую многих не работать, а только создавать видимость работы, приучавшую к лице-

рию, лжи, эгоизму и приспособленчеству (говоря «народ», я имею в виду и интеллигенцию). Сохранились ли в нем достаточные внутренние нравственные силы? Если этих сил мало, то наш путь будет медленным, противоречивым, с отступлениями и падениями. Но я верю, что в народе всегда, в особенности в молодежи, под наносной оболочкой горит живой огонь. Он должен дать о себе знать. Это зависит от всех нас. Нужна нравственная и материальная мотивация перестройки, заинтересованность каждого в ее успехе! И еще — чувство большой общей цели, — такое по заказу и уговорам не получается, но без этого все повиснет в воздухе. Народ должен поверить, что ему говорят правду, — а для этого нужно одно: говорить только правду и всю правду и всегда подтверждать слова делами.

Но и в любом, даже самом благоприятном случае будут большие трудности. Уже сейчас переход к самокупаемости и самофинансированию, к новым системам снабжения и кооперирования приводит к потере многими части их доходов и даже работы. А ведь это только начало трудного пути. Поменьше бы при этом глупостей и побольше здравого смысла и чувства ответственности. Главные препятствия перестройки — в общей косности сложившейся десятилетиями административно-бюрократической системы, в реальных интересах миллионов ее деятелей на всех уровнях. Саморегулирующаяся эффективная система им просто не нужна, они окажутся как бы не у дел. Отсюда опасность того, что кто-то активно или пассивно, по неумению, будет мешать перестройке, искажать, карикатуризировать ее. И представлять ее временные трудности как окончательный провал. Через все это придется пройти.

О чем же я думаю, чего жду от перестройки?

Прежде всего — о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общепризнано, что в этой сфере мы шагнули дальше всего. Все меньше запретных тем, мы начинаем видеть свое общество таким, какое оно было в прошлом и есть в настоящем. Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу.

Другая, не менее важная основа нравственного

здоровья общества — социальная справедливость. Тема эта широкая и многосторонняя, я уже писал о таких ее аспектах, как привилегии элиты, уровень зарплаты и пенсий, социальное равноправие. Коснусь тут одного частного вопроса. По-видимому, неизбежно упорядочение системы цен в соответствии с экономическими законами, в частности повышение цен на продукты питания. Люди с низким уровнем дохода на члена семьи должны получать компенсацию. Наиболее справедливой, на мой взгляд, является выдача 30—40 % населения талонов на бесплатное приобретение части продуктов питания с тем, чтобы для этих менее обеспеченных людей скомпенсировать повышение цен. По-видимому, значительная часть существующих сейчас государственных дотаций на продукты питания должна быть использована для этих талонов. Остальная часть суммы дотации пойдет на другие формы компенсаций или останется в государственном бюджете. Если общая сумма дотаций в год составляет 60 млрд. рублей (точных цифр я не знаю), то выдача 100 млн. граждан талонов на 50 процентов этой суммы составит 25 рублей в месяц на человека (в среднем), что должно скомпенсировать потери от повышения цен. Необходимо также скомпенсировать для менее обеспеченных граждан увеличение квартплаты и некоторых других статей расхода. При этом чисто денежные формы компенсации, особенно на продукты питания, не являются, на мой взгляд, приемлемыми. Ведь многие, особенно молодежь — а она составляет значительную долю плохо обеспеченных людей, — при этом будут тратить деньги на одежду и т. п. и просто голодать. Поэтому я писал о талонах, — вероятно, нужно какое-то комбинированное решение.

Я, не будучи специалистом, воздержусь от обсуждения критически важных экономических вопросов и ограничусь некоторыми замечаниями «аутсайдера». Необходимо создать экономические и юридические условия, при которых выгодна инициатива, гибкое реагирование на экономическую конъюнктуру, выгоден технический прогресс, выгодна хорошая личная работа — без каких-либо тормозов и ограничений догматического свойства. Сейчас мы имеем: Закон о государственном предприятии, проект Закона о кооперации (вероятно, предварительный), Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Все эти документы очень

важны и в принципе открывают качественно новые политико-экономические возможности. Вместе с тем в них бросаются в глаза недоговоренности и противоречия с основным духом документов. Например, что в условиях кооператива значит «контроль партийной организации»? В преамбуле проекта Закона о кооперации оговорено право свободного выхода из кооператива. Но в дальнейшем в числе функций общего собрания колхоза почему-то не упомянуто рассмотрение вопроса о выходе (иными словами, общее собрание в противоречии с преамбулой наделяется правом отказа в выходе из колхоза). В Законе о кооперации и Уставе колхоза необходимо предусмотреть право беспрепятственного выхода каждого члена, с соответствующей компенсацией за вложенный труд, с сохранением стажа и, по желанию выходящего, с выделением земельного долевого участка. Колхозник не крепостной, колхоз должен быть абсолютно добровольным объединением. Всякое нарушение этого принципа чревато очень глубокими социальными, психологическими и экономическими опасностями для общества, плоды этого мы сейчас наблюдаем. Очень важно дальнейшее развитие системы семейного и коллективного подряда, его юридическая, экономическая и социально-нравственная поддержка. Необходимо долгосрочное выделение желающим хороших земель (с правом наследования). Только так можно гарантировать бережное сохранение одного из главных богатств общества — плодородной земли. Особо большую роль должны играть «малые кооперативы» (примыкающие с рядом переходных форм к коллективному подряду). Необходимо максимально поддерживать индивидуальную трудовую деятельность, создать для нее максимально благоприятные экономические и юридические условия, создать психологическую атмосферу длительной перспективы. Конечно, надо отменить все постановления вроде Указа о нетрудовых доходах, которые противоречат целям развития индивидуальной трудовой деятельности. Не надо бояться больших доходов отдельных граждан, если их источником явился личный труд, инициатива, изобретательство, использование конъюнктуры, использование личного имущества. Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально. Некоторые особенно социально полезные виды индивидуальной трудовой

деятельности должны быть освобождены от налогов (например, пчеловодство).

Как я уже писал, в семидесятых и восьмидесятых годах происходили жестокие преследования инакомыслящих. В течение 1987 года большая часть узников совести — то есть, по терминологии международной правозащитной организации «Эмнисти Интернешнл», людей, репрессированных за убеждения и связанные с убеждениями ненасильственные действия, — была освобождена (еще раньше были освобождены Анатолий Щаранский, Юрий Орлов, автор этой статьи и моя жена Елена Боннэр). Однако все еще остаются в заключении около двадцати осужденных по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР (включая ссыльных), а также некоторые осужденные по другим статьям и находящиеся в психиатрических больницах. Все они должны быть освобождены. Это чрезвычайно важно в нравственном отношении, для оздоровления всей обстановки в стране, для преодоления «инерции страха» (название одной из самиздатовских книг). Психологически и политически важно, чтобы все узники совести были реабилитированы, а не просто «втихую» освобождены как помилованные. Пора уже отойти от системы реабилитировать невиновных посмертно, а не при жизни. Требования в 1987 году от узников совести заявлений о помиловании, конечно, были неправомерны с нравственной и юридической точек зрения. Не менее важно — отмена всех тех статей Кодекса, по которым имели место преследования за убеждения. Это — уже упомянутая статья 70 УК РСФСР (и аналогичные статьи союзных республик), почти буквально списанная с одного из пунктов трагически знаменитой 58-й статьи сталинского кодекса. Это статья 190-1: «заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй»; суды не утруждали себя доказательством или анализом «заведомой ложности». Это две статьи, допускающие преследования за религиозную деятельность, — 142 и 227 УК РСФСР. Конечно, необходима гуманизация пенитенциарной системы в соответствии с международными нормами. Необходимо также полная отмена института смертной казни. Беккариа, Гюго, Толстой и другие писатели и гуманисты прошлого открыли людям глаза на психологическую бесчеловечность смертной казни. В судебной практике неизбежны ошибки, в случае смертного пригово-

вора исправление их невозможно. Отмена смертной казни, несомненно, будет способствовать гуманизации общества. К сожалению, многие не верят в это и, возмущенные известными им преступлениями, продолжают возражать против отмены смертной казни. Я надеюсь, что их точка зрения не возобладает.

Перестройка должна способствовать открытости общества как одному из основных условий нравственного и экономического здоровья страны, международного доверия и безопасности. Понятие открытости включает в себя контроль общественности за принятием ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Все эти положения сформулированы в одном из важнейших документов нашего времени — Всеобщей декларации прав человека (ООН, 1948 г.) и в Пактах о правах человека ООН, ратифицированных СССР. На последний из этих документов имеется также ссылка в Хельсинкском акте. Коротко остановлюсь на последних двух правах. Свобода выбора страны проживания подразумевает право эмиграции и право возвращения. Право эмиграции не сводится к объединению семей, поэтому совершенно неправомерно требование так называемых «вызовов» от родственников, тем более — от ближайших родственников (сейчас очень многим отказывают в принятии заявления на эмиграцию по причине недостаточно близкого родства с лицом, пославшим вызов; а при отсутствии вызова вообще не разговаривают). В своем полном виде право на эмиграцию имеет большое социальное, политическое и международное значение, давая каждому гражданину возможность лично выбирать то общественно-экономическое устройство, которое является для него наилучшим. Границы между странами в некотором смысле исчезают. В конечном итоге это будет важной гарантией мира. Выбор при этом не должен иметь окончательного, фатального характера, люди должны иметь возможность пересмотреть свои оценки, исправить ошибку — поэтому так важно дополнение права на эмиграцию правом на возвращение.

Право на свободу места проживания в пределах страны я хочу обсудить в связи с проблемой крымских татар. Это одна из двух национальных проблем, кото-

рым посвящено мое письмо на имя М. С. Горбачева, дальнейшее изложение частично следует этому письму.

В мае 1944 года, вскоре после освобождения Крыма, сотни тысяч крымских татар, в основном дети, женщины и старики, так как мужчины находились на фронте, были по приказу Сталина насильственно вывезены из Крыма. Переселение осуществлялось с большой жестокостью под руководством Кабулова, одного из заместителей Берии (осужденного и расстрелянного вместе с ним в 1953 году). «Переселение народов» — одно из преступлений Сталина, осужденное еще в пятидесятых годах. Почти все переселенные народы вернулись, за двумя или тремя исключениями; среди них крымские татары, до сих пор безуспешно добывающиеся права жить на родине. Созданная при Президиуме Верховного Совета СССР комиссия не нашла пока путей восстановления справедливости. На местах продолжают дискриминационные действия в отношении крымских татар, желающих вернуться в Крым, — отказы по национальному признаку в прописке и приобретении домов, провокационная агитация в прессе.

Обстановка обостряется. Все еще используется, особенно неофициально, аргумент о сотрудничестве крымских татар с немцами во время войны. Но распространение на весь народ ответственности за действия отдельных его представителей неправомерно. Активистов национального движения называют экстремистами, между тем все движение всегда проходило в строго законных формах, с полным исключением насилия. И это несмотря на то, что дома татар в Крыму сносились бульдозерами, сжигались, людей доводили до саможжения. Я считаю, что нужно привлечь активистов национального движения к работе комиссии. Целесообразно проведение референдума среди крымских татар для определения путей решения проблемы (приемлемых для других народов страны) и выявления всех желающих вернуться в Крым. Справедливость должна быть восстановлена! По моему мнению, необходимо правительственное решение об организованном возвращении в Крым всех желающих вернуться крымских татар с предоставлением им преимущественного права на прописку, льготных условий покупки домов, специальных ссуд, устройством на работу. Вероятно, целесообразно преимущественное переселение (в добровольном порядке) крымских татар в один из районов степного

Крыма, с созданием там национального автономного округа в качестве компромиссной основы для дальнейшего продвижения в решении национальной проблемы крымских татар, с учетом общесоюзных интересов. Южный берег Крыма, вероятно, должен находиться в общесоюзном подчинении, как уникальная здравница для всего населения СССР и курорт мирового значения.

Другая особо острая национальная проблема, о которой я писал, — судьба Нагорного Карабаха. Автономная национальная область Нагорный Карабах была присоединена к Азербайджанской ССР в 1923 году. В настоящее время примерно 75 процентов населения области составляют армяне, остальные 25 процентов — азербайджанцы, русские и курды. В 1923 году доля армян была еще выше — до 90 процентов. Исторически вся область Нагорный Карабах (Арцах) являлась частью Восточной Армении. Можно предположить, что присоединение Нагорного Карабаха к Азербайджану было произведено по инициативе Сталина в результате внутренних и внешнеполитических комбинаций того времени. Присоединение было произведено вопреки воле населения Карабаха. На протяжении последующих десятилетий оно являлось постоянным источником межнациональных трений. Вплоть до самого последнего времени имели место многочисленные факты национальной дискриминации армян, диктата, ущемления национальной культуры.

В обстановке перестройки у армянского населения Карабаха возникла надежда на конституционное решение вопроса. 20 февраля 1988 года на сессии областного Совета народных депутатов было принято решение о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и СССР о передаче области в состав Армянской ССР. Ранее аналогичные решения были приняты на сессиях четырех из пяти районных Советов народных депутатов. Решения районных и областного Советов были поддержаны многочисленными мирными демонстрациями и митингами в области и Армении. Несомненно, во всем этом проявились новые демократические возможности, связанные с перестройкой. Однако дальнейшее развитие событий не было благоприятным. Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайств органом Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам, одновременно появились сообщения в печати

и телевидении, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими и заранее как бы предопределялся негативный ответ. К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз гласность оказывается подавленной — как раз тогда, когда она особенно нужна. Все это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. В Ереване, Нагорном Карабахе и других местах прошли новые демонстрации, забастовки и митинги, которые, однако, носили законный и мирный характер. Но в Азербайджане в последние дни февраля произошли события совсем другого рода — трагические и кровавые, вызывающие в памяти страшные картины геноцида 1915 года. Опять убийства женщин и детей, чудовищные зверства, насилие и издевательства. Я думаю, что события в Азербайджане, так же как волнения 1986 года в Алма-Ате, были спровоцированы и, быть может, организованы силами местной антиперестроечной мафии, как ее арьергардные (хотелось бы надеяться!) бои. 23 марта я написал дополнение к письму. В нем я пишу: «Мне представляется необходимым в соответствии с Конституцией СССР рассмотреть ходатайства областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в Верховном Совете Армении и Верховном Совете Азербайджана; в случае разногласия арбитражное решение должен вынести Верховный Совет СССР. В эти тяжелые дни я обращаюсь с просьбой и призывом к народам Азербайджана и Армении полностью исключить насилие...» В тот же день было опубликовано Постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором без упоминания о решениях областного Совета народных депутатов автономной области отвергалась возможность пересмотра территориальных границ в обстановке давления и нагнетания страстей, как крайне опасное действие с непредсказуемыми последствиями. По моему мнению, к крайне опасным последствиям для процесса перестройки может привести именно игнорирование демократического волеизъявления народа, решения органа Советской власти, отступление перед шантажом антиперестроечных сил. Не случайно преступление в Сумгаите произошло тогда, когда выявились признаки неуверенности в позиции центральных властей. Я надеюсь, что Постановление от 23 марта не последнее слово Верховного Совета СССР и его Президиума по этой проблеме.

С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам. К числу таких ключевых проблем относятся: возвращение крымских татар в Крым и воссоединение Арцаха (Нагорный Карабах) с Арменией. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения.

Перехожу к проблемам мира и разоружения. Они всегда лежали в центре моих общественных выступлений, начиная с первой опубликованной в 1968 году в «самиздате» и на Западе статьи «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эпоха гласности дала мне возможность изложить свои взгляды непосредственно перед советской аудиторией. В феврале 1987 года я принял участие в Московском форуме «За выживание человечества». В своем выступлении я, в частности, отрицательно оцениваю влияние на международную безопасность и стабильность, приоритетную ориентацию на создание системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Такая система может быть создана в чисто техническом плане, но она крайне уязвима и малоэффективна и может быть преодолена относительно меньшими (более простыми и дешевыми) усилиями потенциального противника. Однако при этом противник будет вынужден пойти на целый ряд ответных мер, а общий порог стратегической стабильности, основанный на концепции «гарантированного взаимного уничтожения», повышается. В результате процесс разоружения усложняется. Вместе с тем я защищал на форуме необходимость отказа от так называемого принципа пакета, увязывающего возможность соглашений по разоружению с заключением соглашения по СОИ. Это является очень важной частью моей позиции, а именно: я защищаю тезис о необходимости заключения соглашений по ракетам средней дальности и о пятидесятипроцентном сокращении стратегических вооружений, независимо от позиции США по проблеме

СОИ и каких-либо иных условий. Более глубокое сокращение стратегических вооружений, по моему мнению, возможно лишь при наличии целого ряда дополнительных военно-стратегических и политических условий, в частности — относящихся к действиям сторон в области противоракетной обороны. Как известно, вскоре СССР заявил об отказе от принципа пакета в отношении ракет средней дальности, а в декабре 1987 года М. С. Горбачев и Р. Рейган подписали в Вашингтоне договор о ракетах средней и меньшей дальности. Это поистине историческое соглашение впервые предопределяет уничтожение целого класса ракетно-ядерного оружия и устанавливает беспрецедентные меры контроля. Оно, как мы надеемся, открывает возможности дальнейшего прогресса.

По общему мнению, следующим этапом должно быть соглашение о пятидесятипроцентном сокращении стратегических вооружений. Стороны проявили волю к достижению этого соглашения, сделав важные встречные шаги. Очень важно дойти тут до конца, преодолев оставшиеся трудности в вопросе о контроле и некоторые другие.

Ни одна из сторон в обозримом будущем не может полностью отказаться от поисковых работ в областях, в которых возможны важные военные достижения. Необходимы компромиссные решения. Сейчас, по-видимому, наиболее полезным является заключение соглашений, относящихся к открытости научных исследований. Важное предложение сделал на встрече советских и американских ученых в Вильнюсе глава американской делегации Вольфганг Пановский. Научные и конструкторские работы с устройствами, которые потенциально могут быть использованы в качестве оружия нового типа, должны вестись открыто, если параметры устройств превосходят определенные пределы; другие страны должны быть информированы о ведущихся работах, в случае необходимости должно быть возможным посещение научных лабораторий. Так, например, открыто должны вестись работы по лазерным устройствам, если параметры пучка достаточны для использования в системе ПРО с космическим базированием или для поражения из космоса наземных целей. Пановский в Вильнюсе говорил именно в связи с проблемой СОИ, но его предложение имеет и более широкое значение.

Чрезвычайно важно установление равновесия обычных вооружений. В частности, это одна из предпосылок глубокого сокращения ядерных вооружений. Эксперты уже много лет ведут тут споры, связанные как с недостатком информации, так и с объективной сложностью и неоднозначностью ситуации. Важная задача — такое сокращение обычных вооружений и изменение их структуры, при котором каждая сторона уверена, что противоположная преследует чисто оборонительные цели. Но достичь этого чрезвычайно трудно даже в чисто техническом плане, и тем более в мире, раздираемом взаимным недоверием, региональными конфликтами.

Одной из предпосылок укрепления доверия является прекращение войны в Афганистане. Я убежден, что вывод советских войск из Афганистана, о начале которого с 15 мая 1988 года объявило Советское правительство, должен быть осуществлен без каких-либо предварительных условий. Но одновременно должны вестись переговоры о прекращении поставок оружия враждующим сторонам на взаимной основе, о создании условий для возвращения беженцев из Пакистана и Ирана, о предоставлении СССР убежища всем, кто этого пожелает. Для установления порядка в стране, вероятно, целесообразно использование сил ООН. Вероятно, необходима международная гуманитарная — экономическая и медицинская — помощь.

В Европе мне кажется целесообразным предложение об установлении коридора шириной в 150—200 километров, разделяющего вооруженные силы НАТО и Варшавского пакта и свободного от какого-либо оружия (обязательно — не только ядерного, но и обычного). Это сильно уменьшит возможность внезапного крупномасштабного нападения одной стороны на другую и будет способствовать укреплению доверия.

В более широком аспекте я считаю возможным и необходимым рассмотреть вопрос об осуществлении СССР смелого, грандиозного по своему общечеловеческому значению шага — сокращения в одностороннем порядке срока службы в армии, флоте и авиации (ориентировочно — в два раза), тем самым уменьшения численности вооруженных сил с одновременным сокращением (в той же пропорции) всех видов вооружений (но, вероятно, с относительно меньшим сокращением офицерского состава). Конечно, такое решение может быть принято после всестороннего учета всех возмож-

ных последствий, в том числе — для военной безопасности СССР и других стран социалистического содружества, а также с учетом социальных и демографических факторов. Необходимо также исходить из прогнозов развития международной обстановки, возможных ее осложнений. Но нельзя не учитывать того, что лежит на противоположной чаше весов! Предполагаемый шаг сразу и кардинально изменит всю ситуацию в мире. Откроется прямая дорога к глубокому и всестороннему разоружению, к сбалансированному сокращению обычных и ядерных вооружений, вплоть до полного уничтожения ядерного оружия! Укрепится международное доверие. Это будет, в частности, способствовать урегулированию региональных конфликтов на всех континентах. Разоружение освободит огромные материальные средства, так необходимые для перестройки в СССР, а в общемировом масштабе — для решения социальных, экологических и других всеобщих проблем, для борьбы с голодом, болезнями, для преодоления неравномерности общемирового развития.

Значительными будут социальные последствия сокращения срока службы в армии внутри страны. Облегчится возвращение юношей к производительному труду и учебе. Произойдет также оздоровление внутренних отношений в армии — исчезнут корни так называемой «дедовщины» (помыкание солдатами первого года службы). Сокращение срока службы в армии вполне возможно, в частности, и потому, что в армию приходят сейчас гораздо более подготовленные ребята, чем, скажем, в тридцатые годы; многие из них знакомы с трактором, автомобилем, радио; обучить их военным специальностям можно значительно быстрее!

Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоятельная необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества, при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении. Нужно новое мышление человечества!

25 марта 1988 года

ОПАСНОСТЬ ТЕРМОЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу

Дорогой друг!

Я прочитал Ваши замечательные доклады «Речь о ядерном оружии»; заявление Слушаниям о последствиях ядерной войны для окружающей среды¹.

То, что Вы говорите и пишете о чудовишной опасности ядерной войны, очень близко мне, глубоко волнует уже много лет. Я решил обратиться к Вам с открытым письмом, ощущая необходимость принять участие в дискуссии по этому вопросу — одному из самых важных, стоящих перед человечеством. Будучи полностью согласен с Вашими общими тезисами, я высказываю некоторые соображения более конкретного характера, которые, как мне кажется, необходимо учитывать при принятии решений. Эти соображения частично противоречат некоторым Вашим высказываниям, а частично дополняют и, возможно, усиливают их. Мне кажется, что мое мнение, сообщаемое здесь в дискуссионном порядке, может представить интерес в силу моего научно-технического и психологического опыта, приобретенного в период участия в работе над термоядерным оружием, а также потому, что я являюсь одним из немногих в СССР независимых от властей и политических соображений участников этой дискуссии.

Я полностью согласен с Вашей оценкой опасности ядерной войны. Ввиду критической важности этого тезиса остановлюсь на нем подробнее, быть может, повторяя и хорошо известное.

Здесь и ниже я употребляю термины «ядерная война», «термоядерная война» как практические синонимы. Ядерное оружие — это атомное и термоядерное

¹ Слушания Подкомитета по расследованию и надзору Комиссии по науке и технологии Палаты представителей Конгресса США (15.09.82).

оружие; обычное оружие — любое, за исключением трех видов оружия массового уничтожения: ядерного, химического, бактериологического.

Большая термоядерная война — бедствие неопишмого масштаба и совершенно непредсказуемых последствий, причем вся неопределенность в худшую сторону.

По данным экспертов комиссии ООН, к концу 1980 года общий запас ядерного оружия в мире составлял 50 тысяч ядерных зарядов. Суммарная мощность (в основном приходящаяся на термоядерные заряды мощностью от 0,04 мегатонны до 20 мегатонн) составляла, по оценке экспертов, 13 тысяч мегатонн. Приводимые Вами цифры не противоречат этим оценкам. При этом Вы напоминаете, что суммарная мощность всех ВВ, использованных во второй мировой войне, не превосходила 6 мегатонн (по известной мне оценке — 3 мегатонн). Правда, при этом сравнении нужно учитывать большую относительную эффективность меньших зарядов при той же суммарной мощности, но это не меняет качественного вывода о колоссальной разрушительной силе накопленных ядерных зарядов. Вы приводите также данные, согласно которым СССР в настоящее время (1982 год) имеет в своем стратегическом арсенале 8 тысяч термоядерных зарядов, США — 9 тысяч термоядерных зарядов. Значительная часть этих зарядов — в головных частях ракет с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения (MIRV, я буду писать РБИН). Необходимо пояснить, что у СССР основу арсенала (70 %, по данным одного из заявлений ТАСС) составляют гигантские ракеты наземного базирования (в шахтах, и несколько меньшие средней дальности — с подвижным стартом). У США 80 % составляют гораздо меньшие, но зато менее уязвимые, чем шахтные, ракетные заряды на подлодках, а также авиабомбы, среди них есть, по-видимому, очень мощные. Массовое проникновение самолетов вглубь территории СССР сомнительно, — это последнее замечание должно быть уточнено с учетом возможностей крылатых ракет — они, вероятно, смогут преодолевать ПВО противника.

Крупнейшие ракеты США, существующие сейчас (я не говорю о планируемых МХ), имеют в несколько раз меньшую грузоподъемность, чем основные советские ракеты, то есть несут меньше разделяющихся боеголовков, или мощность каждого заряда меньше. (Пред-

полагается, что при разделении веса одного заряда между несколькими — скажем, десятью — боеголовками РБИН суммарная мощность уменьшается в несколько раз, но тактические возможности при атаке компактных целей резко возрастают; а разрушительная способность при стрельбе по площадям, то есть в основном по большим городам, — уменьшается незначительно, в основном за счет фактора теплового излучения; я остановился на этих подробностях, так как они, быть может, окажутся существенными при дальнейшем обсуждении.)

Вы приводите оценку из международного журнала Королевской Шведской Академии Наук, согласно которой сброс на основные города Северного полушария 5 тысяч зарядов суммарной мощностью 2 тысячи мегатонн приведет к гибели 750 миллионов человек только от одного из факторов поражения — ударной волны¹.

К этой оценке я хочу добавить следующее:

1. Общее количество имеющихся сейчас у пяти ядерных стран термоядерных зарядов примерно в 5 раз больше использованной при оценке цифры, общая мощность больше в 6—7 раз. Принятое среднее число жертв, приходящееся на один заряд — 250 тысяч человек, — нельзя считать завышенным, если сравнить принятую среднюю мощность термоядерного заряда 400 килотонн с мощностью взрыва в Хиросиме 17 килотонн и числом жертв от ударной волны не менее 40 тысяч человек.

2. Чрезвычайно важным фактором поражающего действия ядерных взрывов является тепловое излучение. Пожары в Хиросиме были причиной значительной части (до 50 %) смертельных случаев. С увеличением мощности зарядов относительная роль теплового действия возрастает. Поэтому учет этого фактора должен значительно увеличить число непосредственных жертв.

3. При атаке на особо прочные компактные цели противника (такие, как стартовые шахтные позиции ракет противника, командные пункты, центры связи, правительственные учреждения и убежища, другие важнейшие объекты) следует предполагать, что значительная часть взрывов будет наземными или низкими. При этом неизбежно возникновение радиоактивных «следов» — полос выпадения поднятой взрывом с по-

¹ См. «Nuclear War: The Aftermath» (Ядерная война: последствия), спец. выпуск журнала «Ambio», т. 11, 1982, № 2—3: 96, 100.

верхности пыли, «напитавшейся» продуктами деления урана. Поэтому, хотя непосредственное радиоактивное воздействие термоядерного заряда имеет место в зоне, где все живое и так уничтожено ударной волной и огнем, но косвенное — через осадки — оказывается очень существенным. Площадь, зараженная осадками так, что суммарная доза облучения превысит на ней опасный предел 300 рентген, для типичного термоядерного заряда в 1 мегатонну составит тысячи квадратных километров!

При наземных испытаниях советского термоядерного заряда в августе 1953 года десятки тысяч людей были заранее эвакуированы из зоны возможного выпадения осадков. В поселок Кара-аул люди смогли вернуться лишь весной 1954 года! В условиях войны планомерная эвакуация невозможна. Будет происходить паническое бегство сотен миллионов людей, часто из одной зараженной зоны в другую. Сотни миллионов людей неизбежно станут жертвой радиоактивного облучения, массовые миграции людей будут способствовать усилению хаоса, нарушению санитарных условий, голоду. Генетические последствия облучения будут угрожать сохранению биологического вида человека и всех других обитателей Земли — животных и растений.

Я совершенно согласен с Вашей основной мыслью, что человечество *никогда* не сталкивалось ни с чем, даже отдаленно приближающимся к большой термоядерной войне по своему масштабу и ужасу.

Как бы ни были чудовищны непосредственные последствия термоядерных взрывов, мы не можем исключить того, что еще более существенными станут косвенные последствия. Для чрезвычайно сложного, поэтому очень уязвимого, современного общества косвенные последствия могут стать роковыми. Столь же опасны общеэкологические последствия. В силу сложного характера взаимосвязей прогнозы и оценки тут крайне затруднены. Упомяну некоторые из обсуждаемых в литературе (в частности, в Ваших докладах) проблем, не давая оценок их серьезности, хотя я и убежден, что многие из указанных опасностей вполне реальны:

1. Сплошные лесные пожары могут уничтожить большую часть лесов на планете. Дым при этом нарушит прозрачность атмосферы. На Земле наступит длящаяся много недель ночь, а потом — недостаток кислорода в

атмосфере. В результате один этот фактор, если он реален, может погубить жизнь на планете. В менее выраженной форме этот фактор приведет к важным экологическим, экономическим и психологическим последствиям.

2. Высотные ядерные взрывы войны в космосе (в частности, термоядерные взрывы ракет ПРО и взрывы атакующих ракет с целью нарушения радиолокации), возможно, уничтожат или сильно разрушат озоновый слой, защищающий Землю от ультрафиолетового излучения Солнца. Оценки, относящиеся к этой опасности, весьма неопределенны, — если верны максимальные оценки, то этого фактора тоже достаточно, чтобы уничтожить жизнь.

3. В современном сложном мире могут оказаться очень существенными нарушения работы транспорта и связи.

4. Несомненно нарушатся (целиком или частично) производство и доставка населению продуктов питания, водоснабжение и канализация, снабжение топливом и электроэнергией, снабжение медикаментами и одеждой — все это в масштабе целых континентов. Разрушится система здравоохранения, гигиенические условия жизни миллиардов людей вернутся к уровню средних веков, а может, и много худших. Медицинская помощь сотням миллионов раненых, обожженных и облученных практически будет невозможной.

5. Голод и эпидемии в обстановке хаоса и разрухи могут унести много больше жизней, чем непосредственно ядерные взрывы. Нельзя также исключить, что наряду с «обычными» болезнями, которые неизбежно получают широкое распространение, — гриппом, холерой, дизентерией, сыпным тифом, сибирской язвой, чумой и другими, — могут в результате радиационных мутаций вирусов и бактерий возникнуть совершенно новые болезни и особо опасные формы старых болезней, против которых люди и животные не будут иметь иммунитета.

6. Особенно трудно прогнозировать социальную устойчивость человечества в условиях всеобщего хаоса. Неизбежно появление многочисленных банд, которые будут убивать и терроризировать людей и будут вести борьбу между собой по законам уголовного мира: «Умри ты сегодня, а я умру завтра».

Но, с другой стороны, опыт социальных и военных

потрясений прошлого показывает, что в человечестве есть большой «запас прочности», «живучесть» людей в экстремальных условиях превосходит все то, что можно вообразить а priori. Но даже если человечество сможет сохранить себя как некий социальный организм, что кажется маловероятным, важнейшие социальные институты, составляющие основу цивилизации, будут разрушены.

Резюмируя, следует сказать, что всеобщая термоядерная война явится гибелью современной цивилизации, отбросит человечество на столетия назад, приведет к физической гибели сотен миллионов или миллиардов людей и — с некоторой долей вероятности — приведет к уничтожению человечества как биологического вида, возможно даже приведет к уничтожению жизни на Земле.

Ясно, что говорить о победе в большой термоядерной войне бессмысленно, — это коллективное самоубийство.

Мне кажется, что эта моя точка зрения в основном совпадает с Вашей, так же как с мнением очень многих людей на Земле.

Я полностью согласен и с другими Вашими принципиальными тезисами. Я согласен, что если будет перейден «ядерный порог», то есть если какая-либо страна применит даже в ограниченном масштабе ядерное оружие, то дальнейшее развитие событий станет плохо контролируемым, и наиболее вероятна быстрая эскалация, приводящая первоначально ограниченную по масштабам или региональную ядерную войну во всеобщую термоядерную, то есть во всеобщее самоубийство.

Более или менее безразлично при этом, почему перейден «ядерный порог» — в результате ли превентивного ядерного нападения или в ходе уже ведущейся обычным оружием войны, например при угрозе проигрыша или просто в результате той или иной случайности (технической или организационной).

В силу всего вышесказанного я убежден в истинности Вашего следующего основного тезиса: *ядерное оружие имеет смысл только как средство предупреждения ядерной же агрессии потенциального противника*. То есть нельзя планировать ядерную войну с целью ее выиграть. Нельзя рассматривать ядерное оружие как средство сдерживания агрессии, осуществляемой с применением обычного оружия.

Вы отдаете, конечно, себе отчет в том, что последнее утверждение находится в противоречии с реальной стратегией Запада последних десятилетий. Длительное время, начиная еще с конца сороковых годов, Запад не полагается полностью на свои обычные вооруженные силы как достаточное средство отражения потенциального агрессора и для сдерживания экспансии. Причин тут много — политическая, военная и экономическая разобщенность Запада, стремление избежать в мирное время экономической, социальной и научно-технической милитаризации, низкая численность национальных армий стран Запада. Все это — в то время, как СССР и другие страны социалистического лагеря имеют многочисленные армии и проводят их интенсивное перевооружение, не жалея на это средств. Возможно, в каких-то ограниченных временных рамках взаимное ядерное устрашение имело некоторое сдерживающее воздействие на ход мировых событий. Но в настоящее время ядерное устрашение — опасный пережиток! Нельзя с целью избежать агрессии с применением обычного оружия угрожать ядерным оружием, если его применения нельзя допустить. Один из выводов, который из этого следует, — и Вы его делаете — необходимо восстановление стратегического равновесия в области обычных вооружений. Вы говорите это другими словами и не очень акцентируете.

Между тем это очень важное и нетривиальное утверждение, на котором необходимо остановиться подробнее.

Восстановление стратегического равновесия возможно только при вложении крупных средств, при существенном изменении психологической обстановки в странах Запада. Должна быть готовность к определенным экономическим жертвам, и самое главное — понимание серьезности ситуации, понимание необходимости некой перестройки. В конечном счете это нужно для предупреждения ядерной войны и войны вообще. Сумеют ли осуществить такую перестройку политики Запада, будут ли им помогать (а не мешать, как это сейчас часто наблюдается) пресса, общественность, наши с Вами коллеги-ученые, удастся ли убедить всех сомневающихся — от этого зависит очень многое: возможность для Запада вести такую политику в области ядерных вооружений, которая постепенно будет способствовать уменьшению опасности ядерной катастрофы.

Во всяком случае я очень рад, что Вы (а в другом контексте раньше — профессор Пановский¹) высказались в пользу необходимости стратегического равновесия обычных вооружений.

В заключение я должен особо подчеркнуть, что, конечно, перестройка стратегии может осуществляться только постепенно, очень осторожно, чтобы избежать потери равновесия на каких-то промежуточных этапах.

В области собственно ядерного оружия Ваши дальнейшие мысли, как я понял, сводятся к следующему.

Необходимо сбалансированное сокращение ядерных арсеналов, начальным этапом этого процесса ядерного разоружения может явиться взаимное замораживание ныне существующих ядерных арсеналов. Далее цитирую Вас: «Решения в области ядерного оружия должны быть основаны просто на критерии достижения надежного устраниения, а не на каких-то дополнительных требованиях, относящихся к ядерной войне, поскольку такие требования, вообще говоря, ничем не лимитированы и не реалистичны». Это один из Ваших центральных тезисов.

При переговорах по ядерному разоружению Вы предлагаете выработать один достаточно простой и по возможности справедливый критерий оценки ядерных сил; в качестве такого критерия Вы предлагаете взять сумму числа носителей термоядерных зарядов и общего числа зарядов, которые могут быть доставлены (вероятно, надо иметь в виду максимальное число неких стандартных или условных зарядов, которые могут быть доставлены данным типом носителей при соответствующем дроблении используемого веса).

Начну с обсуждения этого последнего Вашего предложения (сделанного совместно с Вашим студентом Кентом Визнером²). Оно кажется мне практичным. Ваш критерий с разным коэффициентом учитывает носители разной грузоподъемности; это очень важно (именно равновесный учет малых американских ракет и больших советских ракет явился одним из пунктов, по которым я в свое время критиковал договор ОСВ-1 при общей положительной оценке самого факта переговоров

¹ Wolfgang K. H. Panofsky, Professor of Physics, Stanford University, Director of the Stanford Linear Accelerator Center.

² См.: Sidney D. Drell, Kent F. Wisner. A new Formula for Nuclear Arms Control.— «International Security», Winter 1980/81, v. 5, № 3; 186—194.

и заключения договора). При этом, в отличие от критериев, использующих мощность заряда, обычно официально не объявляемую, число доставляемых зарядов легко определяется. Ваш критерий учитывает также и то, что, например, тактические возможности пяти ракет, несущих по одному заряду, существенно выше, чем у одной большой ракеты, несущей пять РБИН. Конечно, предложенный Вами критерий не охватывает таких параметров, как дальность, точность попадания, степень уязвимости, их надо будет учитывать дополнительно или в каких-то случаях не учитывать в целях облегчения условий соглашений.

Я надеюсь, что Ваш (или какой-либо аналогичный) критерий будет принят в качестве основы при переговорах как для межконтинентальных ракет, так и (независимо) для ракет средней дальности. В обоих случаях гораздо труднее будет, чем сейчас, настаивать на несправедливых условиях соглашений и быстрее можно будет переходить от слов к делу. Вероятно, само принятие Вашего (или аналогичного) критерия потребует дипломатической и пропагандистской борьбы, но дело стоит того.

От этого относительно частного вопроса перехожу к более общему и более сложному, спорному. Действительно ли можно при принятии решений в области ядерного оружия игнорировать все соображения и требования, относящиеся к возможным сценариям ядерной войны, и ограничиться просто критерием достижения надежного устрашения — понимая этот критерий как наличие арсенала, достаточного для нанесения сокрушающего ответного удара? Вы отвечаете на этот вопрос — может быть, чуть иначе его формулируя, — положительно и делаете далеко идущие выводы. Не подлежит сомнению, что уже сейчас США имеют большое количество неуязвимых для СССР ракет на подлодках и авиабомб на самолетах и, кроме этого, имеют еще ракеты шахтного базирования, хотя и меньшие, чем СССР, — все это в таком количестве, что при применении этих зарядов от СССР, грубо говоря, ничего не останется. Вы утверждаете, что это *уже* создало ситуацию надежного устрашения — вне зависимости от того, что еще есть и чего нет у СССР и США! Поэтому Вы считаете, в частности, излишним создание ракет МХ и не относящимися к делу те аргументы, которые приводятся в поддержку развертывания, — наличие у СССР

большого арсенала межконтинентальных ракет большой грузоподъемности, которых нет у США; тот факт, что советские ракеты и ракеты МХ имеют много боеголовок, так что одна ракета может уничтожить несколько шахтных установок противника при ракетной дуэли. Поэтому же Вы считаете (с некоторыми оговорками) приемлемым для США замораживание ядерных арсеналов США и СССР на их существующем уровне.

Ваша аргументация представляется очень сильной и убедительной. Но я считаю, что изложенная концепция не учитывает всей сложной реальности противостояния двух мировых систем и что необходимо (вопреки тому, на чем настаиваете Вы) также более конкретное и разностороннее и непредвзятое рассмотрение, чем просто ориентация на «надежное устрашение» (в сформулированном выше смысле этого слова — наличие возможности нанесения сокрушающего ответного удара). Постараюсь пояснить свое утверждение.

Мы можем представить себе, что потенциальный агрессор — именно в силу того факта, что всеобщая термоядерная война является всеобщим самоубийством — может рассчитывать на недостаток решимости подвергшейся нападению стороны пойти на это самоубийство, то есть может рассчитывать на капитуляцию жертвы ради спасения того, что можно спасти. При этом, если агрессор имеет военное преимущество в каких-то вариантах обычной войны или — что в *принципе* тоже возможно — в каких-то вариантах частичной (ограниченной) ядерной войны, он будет пытаться, используя страх дальнейшей эскалации, навязать противнику именно эти варианты. Мало радости, если надежды агрессора в конечном счете окажутся ложными и страна-агрессор погибнет вместе со всем человечеством.

Вы считаете необходимым добиваться восстановления стратегического равновесия в области обычных вооружений. Сделайте теперь следующий логический шаг — пока существует ядерное оружие, необходимо также стратегическое равновесие по отношению к тем вариантам ограниченной или региональной ядерной войны, которые потенциальный противник может пытаться навязать, то есть действительно *необходимо* конкретное рассмотрение различных сценариев как обычной, так и ядерной войны с анализом вариантов развертывания событий. В полном объеме это, конечно,

невозможно — ни анализ всех вариантов, ни полное обеспечение безопасности. Но я пытаюсь предупредить от противоположной крайности — «зажмуривания глаз» и расчета на идеальное благоразумие потенциального противника. Как всегда в сложных проблемах жизни, необходим какой-то компромисс.

Я понимаю, конечно, что, пытаясь ни в чем не отстать от потенциального противника, мы обрекаем себя на гонку вооружений — трагичную в мире, где столь много жизненных, не терпящих отлагательства проблем. Но самая главная опасность — сползти к всеобщей термоядерной войне. Если вероятность такого исхода можно уменьшить ценой еще десяти или пятнадцати лет гонки вооружений — быть может, эту цену придется заплатить при одновременных дипломатических, экономических, идеологических, политических, культурных, социальных усилиях для предотвращения возможности возникновения войны.

Конечно, разумнее было бы договориться уже сейчас о сокращении ядерных и обычных вооружений и полной ликвидации ядерного оружия. Но возможно ли это сейчас в мире, отравленном страхом и недоверием, мире, где Запад боится агрессии СССР, СССР — агрессии со стороны Запада и Китая, и Китай — со стороны СССР, и никакие словесные заверения и договоры не могут полностью снять эти опасения?

Я знаю, что на Западе очень сильны пацифистские настроения. Я глубоко сочувствую стремлению людей к миру, к разрешению мировых проблем мирными средствами, всецело разделяю эти стремления. Но в то же время я убежден, что совершенно необходимо учитывать конкретные политические и военно-стратегические реалии современности, причем объективно, не делая никаких скидок ни той, ни другой стороне, в том числе не следует а priori исходить из предполагаемого особого миролюбия социалистических стран только в силу их якобы прогрессивности или в силу пережитых ими ужасов и потерь войны. Объективная действительность гораздо сложнее, далеко не столь однозначна. Субъективно люди и в социалистических, и в западных странах страстно стремятся к миру. Это чрезвычайно важный фактор. Но, повторяю, не исключаящий сам по себе возможности трагического исхода.

Сейчас, как я считаю, необходима огромная разъяснительная, деловая работа, чтобы конкретная и точная,

исторически и политически осмысленная объективная информация была доступна всем людям и пользовалась у них доверием, не заслонялась догмами и инспирированной пропагандой. Необходимо при этом учитывать, что просоветская пропаганда в странах Запада ведется давно, очень целенаправленно и умно, с проникновением просоветских элементов во многие ключевые узлы, в особенности в масс-медиа.

История пацифистских кампаний против размещения евrorакет очень показательна во многих отношениях. Ведь многие участники этих кампаний полностью игнорировали первопричину «двойного решения» НАТО — сдвиг в семидесятых годах стратегического равновесия в пользу СССР — и, протестуя против планов НАТО, не выдвигали никаких требований, обращенных к СССР. Другой пример: попытка бывшего президента Картера сделать минимальный шаг в направлении равновесия обычных вооружений, а именно провести регистрацию военнообязанных, встретила значительное сопротивление. Между тем равновесие в области обычных вооружений — необходимая предпосылка снижения ядерных вооружений. Для правильной оценки общественностью Запада глобальных проблем, в частности проблем стратегического равновесия как обычных, так и ядерных вооружений, жизненно необходим более объективный подход, учитывающий реальное стратегическое положение в мире.

Вторая группа проблем в области ядерного оружия, по которой я должен здесь сделать несколько дополнительных замечаний, — переговоры о ядерном разоружении. Запад на этих переговорах должен иметь, что отдавать! Насколько трудно вести переговоры по разоружению, имея «слабину», показывает опять история с евrorакетами. Лишь в самое последнее время СССР, по-видимому, перестал голословно настаивать на своем тезисе, что именно сейчас имеется примерное ядерное равновесие и поэтому все надо оставить, как есть. Теперь следующим прекрасным шагом было бы сокращение числа ракет, но обязательно со справедливым учетом *качества* ракет и других средств доставки (то есть числа зарядов, доставляемых каждым носителем, дальности, точности, степени уязвимости — большей у самолетов, меньшей у ракет; вероятно, целесообразно использование Вашего критерия, или аналогичных). И обязательно речь должна идти не о перевозке за Урал,

а об уничтожении. Ведь перебазирование слишком «обратимо». Нельзя также, конечно, считать равноценными советские мощные ракеты с подвижным стартом и несколькими боеголовками и существующие ныне «Першинг-1», английские и французские ракеты, авиабомбы на бомбардировщиках ближнего радиуса действия, — как это иногда в пропагандистских целях пытаются делать советская сторона.

Не менее важна проблема мощных наземных ракет шахтного базирования. Сейчас СССР имеет тут большое преимущество. Быть может, переговоры об ограничении и сокращении этих самых разрушительных ракет могут стать легче, если США будут иметь ракеты МХ (хотя бы потенциально, это бы было лучше всего). Несколько слов о военных возможностях мощных ракет. Они могут использоваться для доставки самых больших термоядерных зарядов для уничтожения городов и других крупных целей противника (при этом для истощения средств ПРО противника, вероятно, одновременно будет использоваться «дождь» из более мелких ракет, ложных целей и т. п. В литературе много пишут о возможности разработки систем ПРО, использующих сверхмощные лазеры, пучки ускоренных частиц и т. п. Но создание на этих путях эффективной защиты от ракет кажется мне очень сомнительным). Для характеристики того, что представляет собой атака на город мощными ракетами, приведем следующие оценки. Предполагая, что максимальная мощность единичного заряда, переносимого большой ракетой, может составлять величину порядка 15—25 мегатонн, находим, что площадь полного разрушения жилых зданий составит 250—400 квадратных километров, площадь поражения тепловым излучением 300—500 квадратных километров, зона радиоактивного «следа» (при наземном взрыве) составит по длине до 500—1000 километров и по ширине до 50—100 километров!

Столь же существенно, что мощные ракеты могут использоваться для разрушения с помощью РБИН компактных целей противника, в частности расположенных в шахтах аналогичных ракет противника. Вот примерный расчет такой атаки на стартовые позиции. Сто ракет типа МХ (количество, предложенное для плана первой очереди администрацией Рейгана) могут нести тысячу боеголовок по 0,6 мегатонны. Каждая из боеголовок, с учетом эллипса рассеяния при стрельбе

и предполагаемой прочности советских стартовых позиций, разрушает, согласно опубликованным в американской прессе данным, одну стартовую позицию с вероятностью 60 процентов. При атаке на 500 советских стартовых позиций — по две боеголовки на каждую позицию — останется неповрежденными 16 процентов, то есть «только» 80 ракет.

Особая опасность, связанная с ракетами шахтного базирования, заключается в следующем. Они относительно легко могут быть разрушены в результате атаки противника, как я только что продемонстрировал. В то же время они могут быть применены для разрушения стартовых позиций противника (в количестве в 4—5 раз большем, чем число использованных для этого ракет). У страны, располагающей большими шахтными ракетами (в настоящее время это в первую очередь СССР, а если в США будет осуществлена программа MX, то и США), может возникнуть «соблазн» применить такие ракеты первыми, пока их еще не уничтожил противник, то есть наличие ракет шахтного базирования в таких условиях является дестабилизирующим фактором.

Мне кажется, в силу всего вышесказанного, что при переговорах о ядерном разоружении очень важно добиваться уничтожения мощных ракет шахтного базирования. Пока СССР является в этой области лидером, очень мало шансов, что он легко от этого откажется. Если для изменения положения надо затратить несколько миллиардов долларов на ракеты MX, может, придется Западу это сделать. Но при этом — если советская сторона действительно, а не на словах пойдет на крупные контролируемые мероприятия сокращения наземных ракет (точней, на их уничтожение), — то и Запад должен уничтожить не только ракеты MX (или не строить их!), но осуществить и другие значительные акции разоружения. В целом, я убежден, что переговоры о ядерном разоружении имеют огромное, приоритетное значение. Их надо вести непрерывно — и в более светлые периоды международных отношений, но и в периоды обострений — настойчиво, предусмотрительно, твердо и одновременно гибко, инициативно. Политические деятели при этом, конечно, не должны думать об использовании этих переговоров, как и всей ядерной проблемы в целом, для своего сиюминутного политического авторитета, — а лишь о долгосрочных интересах страны и мира. Планирование переговоров должно входить

важнейшей составной частью в общую ядерную стратегию, в этом пункте я вновь согласен с Вами!

Третья группа проблем, которые следует тут обсудить, носит политический и социальный характер. Ядерная война может возникнуть из обычной, а обычная война, как известно, возникает из политики. Все мы знаем, что в мире неспокойно. Причины очень многообразны — в их числе национальные, экономические, социальные, тирания диктаторов. Многие из происходящих сейчас трагических событий уходят корнями в далекое прошлое. Было бы совершенно неправильно видеть всюду только «руку Москвы». И все же, рассматривая то, что происходит на Земле, в целом, укрупненно, нельзя отрицать происходящего, начиная с 1945 года, неотступного процесса расширения сферы советского определяющего влияния, — объективно это не что иное, как общемировая советская экспансия. По мере экономического, хотя и одностороннего, и научно-технического усиления СССР и его военного усиления этот процесс становится все более широким. Сегодня он приобрел масштабы, опасно нарушающие международное равновесие. Запад не без оснований опасается, что под ударом оказались мировые морские пути, нефть Арабского Востока, уран и алмазы и другие ресурсы юга Африки.

Одна из основных проблем современности — судьба развивающихся стран, большей части человечества. Но фактически для СССР — а в какой-то мере и для Запада — эта проблема стала разменной картой в борьбе за господство и стратегические интересы. Миллионы людей в мире ежегодно умирают от голода, сотни миллионов живут в условиях недоедания, безысходной нужды. Запад оказывает развивающимся странам экономическую и технологическую помощь, но все же совершенно недостаточно, в особенности в обстановке возросших цен на нефть. Помощь от СССР, социалистических стран меньше по объему и, в еще большей степени, чем помощь Запада, носит односторонний военный, блоковый характер. И что очень существенно — никак не увязана с общемировыми усилиями.

Не затухают, а разгораются очаги локальных конфликтов, угрожая перерасти в глобальные войны. Все это вызывает большую тревогу.

Наиболее острым негативным проявлением советской политики явилось вторжение в Афганистан, начав-

шееся в декабре 1979 года с убийства главы государства. Три года чудовищно жестокой антипартизанской войны принесли неисчислимые страдания афганскому народу, свидетельством чему являются более четырех миллионов беженцев в Пакистане и Иране.

Именно общий поворот в мировом равновесии, вызванный вторжением в Афганистан и другими одновременно происходившими событиями, явился глубинной причиной того, что не был ратифицирован договор ОСВ-2. Я сожалею об этом вместе с Вами, но не могу не видеть тех причин, о которых только что написал.

Есть еще одна тема, которая тесно связана с проблемой мира, — открытость общества, права человека. Я употребляю термин «открытость общества» в том смысле, в котором более тридцати лет назад его ввел великий Нильс Бор.

В 1948 году государства — члены ООН приняли Всеобщую декларацию прав человека, подчеркнули их значение для поддержания мира. В 1975 году взаимосвязь прав человека и международной безопасности провозгласил Хельсинкский акт, подписанный тридцатью пятью государствами, в том числе СССР и США. Среди этих прав: право на свободу убеждений, свободное получение и распространение информации внутри страны и за ее пределами, право на свободный выбор страны проживания и места проживания в пределах страны, свобода религии. Свобода от психиатрических репрессий. Право граждан контролировать принятие руководителями страны тех решений, от которых зависят судьбы мира. А ведь мы даже не знаем, как и кем было принято решение о вторжении в Афганистан! Люди в нашей стране не имеют и малой доли той информации о событиях в мире и в стране, которой располагают граждане Запада. Возможность же критиковать политику руководства своей страны в вопросах войны и мира так, как это свободно делаете Вы, в нашей стране полностью отсутствует. Не только критические, но и просто информационные выступления даже по гораздо менее острым вопросам часто влекут за собой аресты и осуждения на очень большие сроки заключения, или психиатрическую тюрьму. В соответствии с общим характером этого письма я воздерживаюсь тут от многих конкретных примеров, но не могу не написать о судьбе Анатолия Щаранского, погибающего в Чистопольской тюрьме за право видиться с матерью и писать ей, и о Юрии Орлове,

уже в третий раз помещенном на шесть месяцев в лагерную тюрьму в Пермском лагере после того, как он был избит в присутствии надзирателя.

В декабре 1982 года была объявлена амнистия в честь шестидесятилетия СССР, но, так же как в 1977 году и в предыдущих амнистиях, из нее *специально* были исключены статьи, по которым находятся в заключении узники совести. Так далеко от провозглашенных принципов в СССР — стране, несущей на себе столь большую ответственность за судьбу мира!

В заключение я еще раз подчеркиваю, насколько важно всеобщее понимание абсолютной недопустимости ядерной войны — коллективного самоубийства человечества. Ядерную войну невозможно выиграть. Необходимо планомерно — хотя и осторожно — стремиться к полному ядерному разоружению на основе стратегического равновесия обычных вооружений. Пока в мире существует ядерное оружие, необходимо такое стратегическое равновесие ядерных сил, при котором ни одна из сторон не может решиться на ограниченную или региональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна лишь на основе стабилизации международных отношений, отказа от политики экспансии, укрепления международного доверия, открытости и плюрализации социалистических обществ, соблюдения прав человека во всем мире, сближения — конвергенции — социалистической и капиталистической систем, общемировой согласованной работы по решению глобальных проблем.

2 февраля 1983 года

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Уважаемые народные депутаты!

Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: «Вся власть Советам!» Съезд отказался даже от обсуждения «Декрета о власти».

До того как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Концентрация такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу «как правило» — нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказы-

ваются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет — как можно опасаться — просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного аппарата.

В стране, в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений, происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас — именно сейчас! — ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием. Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым — необратимость перестройки и гармоническое развитие страны. Я вновь обращаюсь к Съезду с призывом принять «Декрет о власти».

ДЕКРЕТ О ВЛАСТИ

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции СССР отменяется.
2. Принятие Законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории союзной республики законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики.

3. Верховный Совет является рабочим органом Съезда.

4. Комиссии и комитеты для подготовки законов о государственном бюджете, других законов и для постоянного контроля за деятельностью государственных органов, над экономическим, социальным и экологическим положением в стране — создаются Съездом и Верховным Советом на паритетных началах и подотчетны Съезду.

5. Избрание и отзыв высших должностных лиц СССР, а именно:

1. Председателя Верховного Совета СССР,
2. Заместителя Председателя Верховного Совета СССР,
3. Председателя Совета Министров СССР,
4. Председателя и членов Комитета конституционного надзора,
5. Председателя Верховного Суда СССР,
6. Генерального прокурора СССР,
7. Верховного арбитра СССР,
8. Председателя Центрального банка,

а также:

1. Председателя КГБ СССР,
2. Председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию,
3. Главного редактора газеты «Известия» —

исключительное право Съезда.

Поименованные выше должностные лица подотчетны Съезду и независимы от решений КПСС.

6. Кандидатуры на пост Заместителя Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР предлагаются Председателем Верховного Совета СССР и, альтернативно, народными депутатами. Право предложения кандидатур на остальные поименованные посты принадлежит народным депутатам.

7. Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

Примечание. В будущем необходимо предусмотреть прямые общенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР и его Заместителя на альтернативной основе.

Я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета и поставить его на голосование на чрезвычайном

заседании Съезда. Я прошу создать редакционную комиссию из лиц, разделяющих основную идею Декрета. Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать Декрет в индивидуальном и коллективном порядке, подобно тому как они это сделали при попытке скомпрометировать меня и отвлечь внимание от вопроса об ответственности за афганскую войну.

Я хотел бы возразить тем, кто пугает невозможностью обсуждать законы двумя тысячами человек. Комиссии и комитеты подготовят формулировки, на заседаниях Верховного Совета обсудят их в первом и втором чтении, и все стенограммы будут доступны Съезду. В случае необходимости дискуссия продолжится на Съезде. Но что действительно неприемлемо — если мы, депутаты, имея мандат от народа на власть, передадим наши права и ответственность своей одной пятой, а фактически — партийно-государственному аппарату и Председателю Верховного Совета.

Продолжаю. Уже давно нет опасности военного нападения на СССР. У нас самая большая армия в мире, больше чем у США и Китая, вместе взятых. Я предлагаю создать комиссию для подготовки решения о сокращении срока службы в армии (ориентировочно в два раза для рядового и сержантского состава, с соответствующим сокращением всех видов вооружения, но со значительно меньшим сокращением офицерского корпуса), с перспективой перехода к профессиональной армии. Такое решение имело бы огромное международное значение для укрепления доверия и разоружения, включая полное запрещение ядерного оружия, а также огромное экономическое и социальное значение. Частное замечание: надо демобилизовать к началу учебного года всех студентов, взятых в армию год назад.

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этого наследия являются малые союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав союзных республик по принципу административного подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которых лег основ-

ной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике. В нынешней острой межнациональной ситуации необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ образований и состава федерации, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет Союз равноправных республик, объединенных Союзным Договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой республики в минимально необходимых пределах (в вопросах обороны, внешней политики и некоторых других). Различие в размерах и численности населения республик и отсутствие внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей. Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа комиссии Президиума Верховного Совета по проблеме крымских татар была явно неудовлетворительной.

К национальным проблемам примыкают религиозные. Недопустимы любые ущемления свободы совести. Совершенно недопустимо, что до сих пор не получила официального статуса Украинская Католическая Церковь.

Важнейшим политическим вопросом является утверждение роли советских органов всех уровней истинно демократическим путем. В избирательный закон должны быть внесены уточнения, учитывающие опыт выборов народных депутатов СССР. Институт окружных собраний должен быть уничтожен, и всем кандидатам должны быть предоставлены равные возможности доступа к средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства; демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных; следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача — следить за исполнением Закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск и не утверждать Указ от 8 апреля.

Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу разрешить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий решения этих проблем — это то, что он обязан сделать. Именно этого от нас ждет страна! Вся власть Советам!

Сегодня внимание всего мира обращено к Китаю. Мы должны занять политическую и нравственную позицию, соответствующую принципам интернационализма и демократии. В принятой Съездом резолюции нет такой четкой позиции. Участники мирного демократического движения и те, кто осуществляет над ними кровавую расправу, ставятся в один ряд. Группа депутатов составила и подписала обращение, призывающее правительство Китая прекратить кровопролитие.

Присутствие в Пекине посла СССР сейчас может рассматриваться как неявная поддержка действий правительства Китая правительством и народом СССР. В этих условиях необходим отзыв посла СССР из Китая! Я требую отзыва посла СССР из Китая!

2 июня 1989 года

НРАВСТВЕННЫЙ ПРИМЕР

Впервые советский читатель может прочесть книгу статей и выступлений А. Д. Сахарова, первого советского лауреата Нобелевской премии Мира. На Западе книги Сахарова читают давно, сейчас там выходит объемистая его автобиография. Уже одно это придает особый интерес этому первому сахаровскому сборнику. Наконец-то мы можем хотя бы частично ознакомиться из первых рук со взглядами, воззрениями, идеями, которые преподносились нам в цитатах, большей частью искаженно перетолкованные, снабженные комментариями клеветническими, ничего общего не имеющими с подлинными идеями Сахарова. Читая его работы, начиная с Памятной записки Л. И. Брежневу, отправленной в марте 1971 года, его Нобелевскую лекцию 1975 года, невольно то и дело вспоминаешь, как все это было оболгано. Его предложения и мысли были объявлены идеологически вредными, затем — враждебной пропагандой, затем самого Сахарова объявили наймитом западных реакционеров, пособником милитаристов, агентом, продажным.... Невозможно и стыдно повторять сегодня все то, что печатали о нем центральные наши газеты, софронковский «Огонек», наши «маститые» журналисты, тот же Юрий Жуков или Н. Яковлев, не говоря уж о других журналистах, которые соревновались в бесстыдной ругани, почти что нецензурной. И это была не кампания, не взрыв, — травля А. Д. Сахарова продолжалась из года в год вплоть до декабря 1986 года, до дня возвращения его из горьковской ссылки в Москву, до первого, если не ошибаюсь, публичного его выступления, которое произошло 6 февраля 1987 года на международном Московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества». Я присутствовал на этом форуме, но на выступление Сахарова попасть не мог. Не пустили. Сахаров выступал на секции ученых, и нас, «гуманитаров» и участников других секций, приказано было не допускать. Специальную охрану поставили, чтобы никто не услышал, что говорит Сахаров. Ни свя-

щеннослужащих, ни военных, ни иностранных деятелей, никого не допускали. Это было не указание «сверху», а, что интересно, самодеятельность руководителей секции уважаемых наших академиков. Страх перед сахаровской крамолой, перед его личностью настолько въелся за эти годы, что даже дозволенность не могла заглушить этот страх. Не верили самим себе, что можно слушать, слышать его речи.

Конечно, А. Д. Сахаров говорил «не то». Не поддерживал официальные предложения нашего советского военно-промышленного комплекса, выдвигал свои нетривиальные соображения по термоядерному вооружению.

Сахаров всегда говорит «не то». В этом особенность его статей, его речей, его мышления. И в этом особенность его дара. В сущности смысл гения, определение гения в том и состоит, что он «не то». Не то что обычное мнение, обычное видение. Способность видеть мир не так, как его видят другие, видеть по-своему, присуща именно великим художникам, ученым, философам. Благодаря этому иному, «неправильному» взгляду нам открывается многообразие и объемность мира. Начав свою самостоятельную научную работу по проблемам управляемой термоядерной реакции, Андрей Дмитриевич Сахаров проявил это самое умение увидеть проблему «чуть» иначе, чем все другие. Конечно, слово «умение» не точно. Этому нельзя научиться. Для таланта многое значит природная способность плюс умение добросовестно, много работать. Тут слово «умение» уместно. Великие же ученые, так же как и великие художники, осуществляли себя через какие-то иные качества. Скорее, это — озарение, это иное устройство хрусталика, иная оптика души, никому больше не присущая.

Андрей Дмитриевич Сахаров взошел в нашей отечественной физике как звезда первой величины. По своим задаткам, по зачину, по результатам он сразу зачислен был в разряд физиков мирового класса. Конечно, секретность, вернее сверхсекретность, работ над термоядерным оружием мешала нормальному научному общению, мешала публикациям. Сахаров не мог бывать на международных симпозиумах, его не знали, о нем не могли узнать. Секретность губительна для науки, сверхсекретность Сахарова приковывала его цепью, и остается лишь поражаться, как, несмотря на все, могло

взмыть творчество ученого, поднять его так высоко, а главное — сохранить в нем независимость ума и духа.

Семья, происхождение, затем личность его руководителя, человека исключительной чести и порядочности, Игоря Евгеньевича Тамма, многое определили в нравственной стойкости Андрея Дмитриевича.

Работы Сахарова не ограничивались только военными темами, ему удавалось вырваться за «служебную территорию».

Из автобиографической статьи, которая открывает сборник, трудно представить значение научных работ Сахарова как физика-теоретика, масштаб его деятельности. Надо заметить, что со времен Менделеева и И. П. Павлова мы можем гордиться совсем считанными именами подобного калибра. Среди физиков это, по-видимому, в первую очередь П. Л. Капица и А. Д. Сахаров. Я это к тому, чтобы представить себе уникальность такого дарования. Недаром даже при нашей весьма произвольной системе наградений Сахаров к 1962 году получает третью Звезду Героя Социалистического Труда.

Исключительно удачно складывалась его научная карьера. Обласканный, преуспевающий, — казалось бы, что ему еще нужно, сиди и занимайся любимым делом, следуй своему счастливому призванию. Ему с основанием приписывали решающие заслуги в создании ядерной мощи державы. И мирной, и особенно военной мощи. Все это надо представить себе, чтобы оценить переход от такого признания и благополучия, я бы сказал, от наивысшего признания — к наибольшей отверженности, от вершины к бездне. За каких-нибудь шесть-семь лет одна за другой акции, столкновения приведут его к 1968 году, к написанию книги «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Крамолой было то, что она пошла «самиздатом», еще хуже, что ее стали широко издавать за границей. С этого, собственно, и начались репрессии. Терпение властей кончилось. Сахарова отстраняют от секретных работ. Это никак не остановило его. Процесс продолжался и в конце концов закончился в 1980 году ссылкой в Горький.

Из «отца водородной бомбы» он стал «диверсантом», «предателем», «provокатором», «отщепенцем», «антисоветчиком». В чем только его не обвиняли, какую только брань не вешали на него. Вся пропагандистская ма-

шина огромной страны с 1973 года обрабатывала общественное мнение, всех граждан страны, все было пушено в ход — радио, телевидение, газеты и журналы, книги, лекторы, фотоматериалы, — чтобы заклеить Сахарова, сделать его чуть ли не «врагом номер один». На Рейгана, на профессионалов-антисоветчиков не затрачивали столько усилий, как на этого кабинетного ученого, человека с тихим голосом, не имеющего в своем распоряжении ничего, кроме мысли. В течение четырнадцати лет, вплоть до того декабрьского дня 1986 года, когда М. С. Горбачев позвонил Сахарову в Горький и сказал, что принято решение о том, что можно вернуться в Москву, никому, нигде в пределах страны не разрешалось ничего сказать в защиту Сахарова.

Пропаганда, конечно, делала свое дело. Пропаганда и привычный страх. Это было летом, в августе 1973 года, в Дубултах. На пляж кто-то пришел с номером газеты и вслух зачитал письмо группы академиков против Сахарова. Не помню уже, что они там требовали, то ли исключить его из Академии наук, то ли судить. Помню другое, как один из слушавших, известный физик, тоже академик, вдруг всполошился: «Почему ж они меня не включили в число подписавших, они же знают, что я здесь!» Он всерьез был обеспокоен тем, что его «забыли», нет ли за этим чего-то угрожающего ему. Причем это был настоящий ученый, который отлично знал цену А. Д. Сахарову, гордости нашей Академии.

Вот какие царили нравы. И надо отдать должное А. П. Александрову и П. Л. Капице, не знаю кому еще в Академии, — воспрепятствовали, не допустили такого позора, не допустили исключения.

О чем же писал Сахаров, что вызвало ярость наших идеологов, и особенно властей? Читая его статьи сегодня, при самом внимательном рассмотрении невозможно найти ни антисоветской пропаганды, ни клеветы, ни диверсии, ни призывов к агрессии против нас, ничего из того, в чем его обвиняли. Вот они, работы тех лет, давайте сравним их с выступлениями наших руководителей — Брежнева, Суслова, Гришина, Громыко, идейных и прочих начальников, которые высылали Сахарова, напускали на него наших теоретиков и публицистов. У кого вернее анализ? Кто больше заботился о мире, о стране, о людях?

В Памятной записке 1971 года Сахаров поднимает

вопрос о гласности, о законе, обеспечивающем беспрепятственное право на выезд за границу и возвращение. Он разбирает проблему прав человека. Он бесстрашно вскрывает психологию высшего слоя партийно-государственного аппарата, который цепко держится за свои явные и тайные привилегии. Он выдвигает конкретные меры для духовного оздоровления страны. Почти все предложения Сахарова вошли, спустя пятнадцать с лишним лет, в программу перестройки — стали или становятся реальностью.

«Бесплатный характер здравоохранения и образования — не более чем экономические иллюзии в обществе, где вся прибавочная стоимость экспроприируется и распределяется государством».

Так раскрывает Сахаров механизм бесплатности, которым до сих пор манипулирует наша пропаганда. Его даже ранние работы семидесятых годов имеют не просто исторический интерес, вызывают не только удивление — «ах, какой провидческий ум, какая дальновидность!», — нет, это актуальный анализ противоречий нынешнего развития и проблем нового мышления.

Почему так ополчились на Сахарова? Если бы он выступал с разоблачением прошлого, преступлений сталинизма, политики репрессий, все это не могло вызвать такой ярости, как его, казалось бы, простые, демократические предложения. Они обнажали перед всеми мертвящее доктринерство брежневского правления, его фальшь и демагогию, бесправие человека, беззаконие всей жизни народной. Сахаров с неумолимой логикой научного метода раскрывал бесплодные наши подходы к проблемам разоружения. Он показывал лживость наших разговоров о правах человека. Короче говоря, он вмешивался! Он позволял себе указывать правителям, что надо делать, и показывал, как плохо и глупо (!) они управляют и экономикой, и внешней политикой, и внутренней. И это оказывалось и убедительно, и доказательно, и куда прогрессивней и конструктивней, чем речи и планы профессиональных наших вождей. В прямую полемику вступать с ним избегали, пытались пренебрежительно высмеять — куда, мол, суется этот физик, что он понимает, он невежда, профан в политике и т. п. Но Сахаров не умолкал. Это, конечно, было нестерпимо. Тем более что мировая общественность жадно прислушивалась к одинокому спокойному голосу этого человека.

«Что касается Советского Союза, то реформы, которые собирается осуществить цезарь Сахаров, добравшись до власти, означают по существу установление капиталистических порядков: „Частичная денационализация всех видов деятельности, может быть исключая тяжелую промышленность, главные виды транспорта и связи... Частичная деколлективизация... Ограничение монополии внешней торговли...“» Так написано в книге Н. Яковлева «ЦРУ против СССР».

Поскольку политическое разоблачение Сахарова как-то не получалось и, чем дальше, тем менее убеждало, то пустились на самые примитивные, низменные способы: «много денег получает, жена сионистка, и вообще он связан с сионистами, может он их агент». Дальше еще гаже, уже шли намеки подлейшие и на Сахарова, и на его жену. Не случайно Андрей Дмитриевич, человек в частной жизни кроткий, терпеливый, гуманный, где-то встретив Н. Н. Яковлева, автора одной из мерзейших книг (а потом — статей), подошел к нему и сказал примерно так: «Извините, я вам должен дать пощечину» — и дал. Как мне показалось, когда Андрей Дмитриевич рассказывал об этом, — не за себя дал, а защищая честь своей жены, фронтовика, человека мужественного и сердечного.

Семь лет они вдвоем провели в ссылке в Горьком, лишённые права с кем-либо общаться. Не было телефона. Запрещено было куда-либо выезжать. У дверей квартиры круглосуточно дежурили милиционеры. Если Сахаровы выходили гулять, за ними ехали на машине. Горьковский поэт Федор Сухов рассказал мне, как одна приезжая знакомая студентка попросила его показать дом, где живут Сахаровы. Он провел ее к этому дому, они вошли во двор и присели на скамеечке. Вскоре перед ними очутились «мальчики», спросили, чего это они сидят, потребовали предъявить документы, затем попросили удалиться. Когда девушка вернулась в свой город, ее исключили из института.

У Сахарова трижды украли и трижды изъяли на обысках его рукописи.

Сахаров не имел возможности собирать пресс-конференции, встречаться с журналистами, вести из Горького доносились случайные, и то больше через зарубежное радио. Но, странное дело, личность Сахарова, физически выключенная, лишённая голоса, все это время ощущалась в гражданской жизни. Незримое его присут-

ствие активизировало инакомыслие, или свободомыслие, как угодно называйте.

Однако я не собираюсь излагать здесь ни биографию Сахарова, ни систему его взглядов, ни их развитие. Мне хотелось бы коснуться лишь одной стороны его деятельности — чисто нравственной. И все, о чем я писал до сих пор, имело для меня целью только эту, может быть не главную для самого А. Д. Сахарова, но решающую для меня роль — нравственного человека.

Выяснилось, в последнее время явственно, что и личная и государственная мораль, которые накапливались в течение двух последних веков, начали падать. Международный терроризм поощряется отдельными правительствами, наркомания поразила государства не только капиталистические, циничной торговлей оружием занимаются правительства, которые ратуют за мир и разоружение, — все это освобождает и личную мораль от ответственности. В мире становится все меньше святых и все более ощущается потребность нравственного примера. Нравственный человек в дефиците. Не хватает людей, которых можно чтить, которым хочется подражать, людей высокой чести, порядочности, интеллекта.

В своей Нобелевской речи, в этот момент торжества своей борьбы, А. Д. Сахаров настойчиво, не считаясь ни с какими традициями, перечислит десятки имен советских политзаключенных, узников совести, просит считать, что все они «разделяют со мною честь Нобелевской премии Мира». И далее идет огромный список: «За каждым названным и не названным именем — трудная и героическая человеческая судьба, годы страданий, годы борьбы за человеческое достоинство». Для него это не просто список, за свободу многих он боролся как мог. Он являлся на судебные заседания, если его пускали; если не пускали — выстаивал часами, днями перед зданием суда. Он ходатайствовал, обращался в разные инстанции, взывал к международным организациям и Верховному Совету, помогал заключенным, чем только мог. В своей автобиографии Сахаров отчасти рассказывает об этой своей работе. Она выглядела безнадёжной и безрезультатной. Людей продолжали сажать, ссылая. Приговоры не смягчали, суды не внимали параграфам законов и конституции. Арестовывали тех, кто помогал Сахарову, высылали его близких. Старались опустошить его окружение, оставить его в вакууме. Угрожали ему расправой... «Автобиография»

его кончается 1973 годом. Дальше было еще тяжелее — новые незаконные расправы, голодовка, издевательства... Наказание без приговора, без срока — тяжелое испытание. Трудно понять, откуда этот человек черпал силы для своей стойкости, в чем состояла его вера. Когда 15 декабря 1986 года М. С. Горбачев позвонил Сахарову в Горький, первое, что ответил ему А. Д. Сахаров после благодарности, — что его беспокоит участь узников совести, продолжающих томиться в лагерях, и что радость от выслушанного решения омрачена вестью о гибели в тюрьме правозащитника Анатолия Марченко.

Вот какова его первая реакция на долгожданную весть о свободе.

На Первом съезде народных депутатов я наблюдал, как А. Д. Сахаров терпеливо и упорно выстаивал свою очередь к трибуне, к микрофону. Его не смущали враждебные выкрики в его адрес. Известна обструкция, которую устроили ему после выступления одного из «воинов-афганцев». Сахарову свистели, не давали говорить. Так настроены были многие в зале. Они забыли, а большей частью и не знали, что Сахаров был первым в нашей стране, кто осмелился подать свой голос против войны в Афганистане. За это его выслали в Горький, это окончательно взъярило брежневское Политбюро. Все же дезинформация тоже немалая сила.

Обструкция произвела удручающее впечатление своей несправедливостью. На следующий день в кулуарах съезда можно было заметить смущение, люди как бы опомнились, многие чувствовали себя виноватыми. Сахаров продолжал выступать как ни в чем не бывало. Похоже, что на него нисколько не подействовала та обструкция, я почти уверен в этом, потому как виделся с ним тогда же в перерыве. Словно бы ничто не расстроило его, не могло остановить. Это даже не упорство, не стойкость, не мужество, — это выше, это глубочайшее сознание своей правоты, вера в то, что люди в зале поймут, не могут не понять, куда ж они денутся от разумных вещей? Во всяком случае, он обязан произнести, высказать свои доводы. Так было с Сахаровым во времена брежневщины, так было позже, ныне то же самое непреклонное чувство ведет его через любые тернии к трибуне. Его ничто не может утешить. В нем нет фанатичности. Раньше мне виделось некоторое мессианство, но, по мере того как я узнавал А. Д. Сахарова все больше,

я убеждался, что им движет более всего нравственная ответственность. Как политик он не свободен от ошибок, его предложения бывают наивны, спорны. Как моралист он не занимается рассуждениями об этике, о вечных ценностях, не выступает с проповедями. Да он и не претендует на звание политика или моралиста. Он отказался от членства в Верховном Совете.

«Я не родился для общественной деятельности», — сказал А. Д. Сахаров в одном из своих интервью. Что же в таком случае является внутренним стимулом для его гражданской, политической активности? Он так ответил на это: «...судьба моя оказалась необычной: она поставила меня в условия, когда я почувствовал свою большую ответственность перед обществом, — это участие в работе над ядерным оружием, в создании термоядерного оружия. Затем я почувствовал себя ответственным за более широкий круг общественных проблем, в частности гуманитарных. Большую роль в гуманизации моей общественной деятельности сыграла моя жена — человек очень конкретный. Ее влияние способствовало тому, что я стал больше думать о конкретных человеческих судьбах. Ну, а когда я вступил на этот путь, наверное уже главным внутренним стимулом было стремление оставаться верным самому себе, своему положению, которое возникло в результате чисто внешних обстоятельств».

И, как всегда, возникает вопрос: почему именно он, Андрей Дмитриевич Сахаров, почувствовал такую ответственность, почему другие ученые такой ответственности не чувствовали? Когда-то я занимался историей создания советской атомной бомбы. Я спрашивал многих соратников И. В. Курчатова, начиная с академика Г. Флерова, человека, благодаря которому развернулась эта работа. Я допытывался: существовали ли у наших ученых какие-либо сомнения в необходимости создания атомного оружия, в нравственной оправданности этих страшных разрушительных сил, мучился ли кто из атомщиков своей ответственностью перед демонами всеобщей гибели человечества, которых вызвали из небытия они, ученые?

Вроде бы никто из наших не мучился. Так получалось из ответов самых разных физиков. На Западе, там известны покаянные заявления, выступления с протестами Нильса Бора, Сциларда и других. У нас же все глухо, и, как считали многие, не только потому глухо,

что нельзя было ничего сказать, но и потому, что ничего такого не возникало: то ли действия наших физиков были оправданы необходимостью создавать бомбу «в ответ», то ли потому, что нравственное мышление в те сороковые—пятидесятые еще не очнулось, усыпленное, замороженное идеей классовой морали, когда классовое выше общечеловеческого и все, что делается для могущества нашей страны, все оправдано, и т. п. А Нильс Бор, Эйнштейн, Сцилард, Рассел и прочие — это абстрактный гуманизм, буржуазный либерализм, прогрессивное движение... Чего другого, а ярлыков, словесных завес у нас изготавливали вволю.

Сахаров в этом смысле защитил честь советских физиков. Грех атомного капкана, в который попало человечество, он искупил как мог, не пожалев ни себя, ни своего дарования. Он вышел на борьбу не потому, что был обижен или обозлен, не для того, чтобы мстить за свои обиды. К нему-то, наверное, больше всех приложимо понятие «абстрактный гуманизм». Хотя его гуманизм конкретен уже потому, что связан был с его личной судьбой. Конец шестидесятых годов — плодотворнейшее время его научной работы. Она была прервана потому, что в эти годы он вынужден был выступить на защиту инакомыслящих, писать письма в ЦК, в правительство. Вынужден потому, что не мог позволить себе отмалчиваться. Таинственный, необъяснимый диктат совести. Это, наверное, как талант, священный дар, — одних посещает, к другим не достучаться.

Набрасывая эскиз общественного устройства жизни в 2024 году, Сахаров размышляет как ученый. В этом главное отличие от обычных футурологических проектов. В истории утопизма (или утопий?) проект Будущего, кажется, впервые создается крупнейшим ученым. Дело это рискованное, но оно оправдано нашим неубывающим желанием рассмотреть прекрасное далеко. Научная система мышления, научный подход Сахарова сохраняются и в общественной жизни, в политике, в этике. Это всегда отличает его работы и выступления, придает им своеобычие.

Сахаров беспартийный, он, как мне кажется, и по натуре своей беспартиен. Он общечеловечен. Любая подчиненность мешала бы ему.

Удивительно, непонятно и то, как могла прорасти такая совесть, такая личность в условиях, когда все выдающееся, неординарное аккуратно выстригалось.

Механизм осреднения действовал неукоснительно — все подравнивалось под посредственность. От личной нравственности мало что оставалось. Не случайно ведь даже к концу восьмидесятых, после стольких разоблачений, когда открылась вся чудовищная система преступлений, массовое доноительство, лагерные бесчинства, издевательства, действия следователей, неправых судов, — никто не кается. Никто не просит прощения, никто не требует суда над собой и сам себя не судит. Тем более прощают себе и «малые грехи» — молчание, соглашательство, тихие сделки со своей совестью.

Вот почему феномен Сахарова разителен. Нравственная требовательность его оказывала и оказывает очищающее влияние, все же есть с кого брать пример. Такие люди, как бы ни было их мало, какой бы ни были они редкостью, помогают нам в каждодневной нелегкости нашей жизни, они восстанавливают веру в красоту человеческой души, ту самую красоту, которая может спасти мир.

Послесловие это было написано при жизни Андрея Дмитриевича. Он успел его прочесть и в перерыве съезда народных депутатов сказал мне об этом. Никаких замечаний у него вроде не было. По скромности, по деликатности своей, он не стал продолжать эту тему, и мы заговорили о другом. Через полтора дня его не стало.

Теперь мне хотелось бы сказать об этом человеке куда больше. Явление его в нашей жизни предстает перед нами все крупнее и удивительней. Но я решил ничего не менять, никак не дополнять написанное и им прочитанное. Пусть будет все так, как он знал.

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	3
Памятная записка	22
Послесловие к Памятной записке	32
Мир через полвека	37
Мир, прогресс, права человека	50
Выступления на Московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества»	63
Неизбежность перестройки	75
Опасность термоядерной войны	94
Выступление на Первом съезде народных депутатов СССР	111
Д. Г р а н и н. Нравственный пример	117

Андрей Дмитриевич Сахаров

МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 8278

Сдано в набор 15.12.89. Подписано к печати 31.01.90. Формат 84 × × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,90. Тираж 200 000 экз. Заказ № 452.

Цена 1 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

30 Н

1 р.

Андрей САХАРОВ

МИР, ПРОГРЕСС,
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

«Я родился в 1921 году в Москве, в интеллигентной и дружной семье. Мой отец — преподаватель физики, автор ряда широко известных учебных и научно-популярных книг. С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому овладению избранной профессией. В 1938 году я окончил среднюю школу, поступил в Московский государственный университет и окончил его в 1942 году. В 1942—1945 годах работал инженером на военном заводе, автор нескольких изобретений в области методов контроля продукции. В 1945—1947 годах я был в аспирантуре под руководством известного советского ученого, физика-теоретика Игоря Евгеньевича Тамма. Через несколько месяцев после защиты диссертации, весной 1948 года, я был включен в исследовательскую группу, занимавшуюся проблемой термоядерного оружия....»

Андрей Сахаров